

КИРА КАСС

Восхитительно, прелестно и в то же время занимательно.

Publishers Weekly

ТЫСЯЧА

УДАРОВ

СЕРДЦА

История разделяет их. Судьба — соединяет.
Удержит ли их вместе любовь?

Кира Касс

Тысяча ударов сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70008004

*Тысяча ударов сердца: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;
2023*

ISBN 978-5-389-23592-2

Аннотация

Страшные тайны скрываются за роскошным фасадом замка Меккона. Славный король обезумел после исчезновения супруги. Принц не спешит вступить в брак ради укрепления позиций королевства. Единственный луч света – принцесса Анника, она мечтает о благе для своего народа... и о большой любви. Но отец решает выдать ее за черствого, надменного вельможу, и Анника – сильная, волевая и рассудительная – вынуждена подчиниться.

Еще хуже обстоят дела в ветхом замке Возино, где власть захватил спесивый тиран. Самый безжалостный воин его армии, единственный, кто способен избавить свой народ от гнета тирании, одержим лишь одной мыслью – завоевать королевство, где правит отец Анники, и захватить замок.

Рожденные заклятыми врагами, Анника и Леннокс еще не подозревают, сколь роковым образом переплетены их судьбы.

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая	7
Леннокс	9
Анника	15
Леннокс	20
Анника	24
Леннокс	30
Анника	35
Леннокс	44
Анника	49
Леннокс	61
Анника	67
Леннокс	75
Анника	81
Леннокс	90
Анника	95
Леннокс	101
Анника	107
Леннокс	110
Анника	114
Леннокс	120
Анника	130
Леннокс	137
Анника	144

Леннокс	152
Анника	159
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Кира Касс

Тысяча ударов сердца

*Терезе, за все в совокупности и ни за что в
частности*

Kiera Cass

A THOUSAND HEARTBEATS

Copyright © Kiera Cass, 2022

This edition published by arrangement with Laura Dail
Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency All rights
reserved

Иллюстрация на обложке Екатерины Бороздиной

Карта выполнена Юлией Каташинской

© А. А. Петрушина, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Часть первая

В то время как Анника только потянулась за спрятанным под кроватью мечом, Леннокс уже вытирал свой от крови.

Отдышавшись, он окинул пристальным взглядом склон. Еще три трупа в длинном перечне, счет которому давно потерян. Никто в армии Дарейна не мог похвастаться таким количеством отнятых жизней. Аннике, напротив, довелось пролить кровь лишь однажды. Да и то по чистой случайности. Однако немногие отважились бы бросить ей вызов.

Заметная разница между ними заключалась в том, что каждый делал то, что мог.

Анника выпрямилась на ноющих ногах. Походила, пока движения вновь не стали грациозными и плавными. Явившаяся на зов служанка согласилась, что походка вполне сносная. Анника села за туалетный столик, рассеянно глядя на край кровати, отражавшийся в зеркале. Спрятанному под кроватью мечу придется подождать денек-другой, однако сама перспектива нарушить хоть какие-то правила окрыляла.

Леннокс тем временем спрятал меч в ножны и в гробовой тишине спустился с холма. Каван порадуетя новым трофеем. Чтобы не растерять с таким трудом завоеванных позиций, Леннокс из кожи вон лез, только бы не угодить в немилость. Когда война закончится – если она вообще начиналась, – королевство окажется в его власти.

Анника и Леннокс размышляли о грядущем дне, не подозревая ни друг о друге, ни о том, что вскоре их судьбы самым роковым образом переплетутся.

Точнее, уже переплелись.

Леннокс

По пути к замку я думал, куда завернуть в первую очередь: к себе или в столовую. Искоса глянул на свою одежду и сапоги, провел рукой по щеке. На ладони остались следы грязи, пота и крови. Да и рубашка выглядела не лучше.

Значит, сперва в столовую. Пусть полюбуются.

Я направился в восточную, самую запущенную часть замка Возино. Хотя, справедливости ради, прочая территория содержалась немногим лучше.

Возино достался нам, если так можно выразиться, с чу-

жого плеча. Покинутый прежними обитателями, чьи имена канули в Лету, замок стал нашим временным пристанищем. Его немного подлатали, но по понятным причинам не спешили доводить до ума.

Переступив порог столовой, я увидел на почетном месте Кавана. Компанию ему, по обыкновению, составляла моя мать.

Никто не дерзнул сесть с ними рядом. Даже я никогда не достаивался такой чести.

Остальные устроились, как им заблагорассудится, не соблюдая субординации.

Все взоры мгновенно обратились ко мне. С бесстрастным лицом я шагал по центральному проходу, рука покоилась на рукояти меча. Разговоры стихли, народ вытягивал шеи, чтобы не упустить ни малейшей детали.

Мать заметила меня первой, в васильковых глазах мелькнуло недовольство. Когда люди вступали в наши ряды, наряды и платья заменялись своего рода униформой, и у большинства людей оставалось очень мало личных вещей. Но мать обратила ситуацию в свою пользу и всегда являлась к трапезе в новом наряде, позаимствованном у бывших хозяев замка; более никто из женщин Возино не обладал такой привилегией.

Лицо сидящего справа от нее Кавана закрывал кубок, из которого он пил. Утолив жажду, он с грохотом поставил кубок на стол, вытер жесткую бороду грязным рукавом и, тя-

жело вздохнув, усталился на меня:

– Как это понимать? – Каван кивнул на мою забрызганную кровью одежду.

– Сегодня утром три дезертира предприняли попытку к бегству, – доложил я. – Распорядись убрать тела, пока волки не начали пиршество.

– И все? – скривился Каван.

И все?

Нет, не все. Это лишь очередное звено в длинной цепи подвигов, совершенных во имя нашего народа, во имя Кавана, во имя преданности. Молча, в забрызганной чужой кровью одежде, я стоял перед ним, надеясь, что меня наконец – *наконец!* – оценят по достоинству.

И никакой холодный прием не заставит меня отступить.

– По-моему, такой поступок заслуживает похвалы. В крошечной тьме справиться в одиночку с тремя молодыми, отлично подготовленными новобранцами. Предотвратить утечку информации и при этом не получить ни единой царапины. Впрочем, я могу и ошибаться.

– Ничего удивительного, – проворчал Каван. – Триста, угомони своего сына.

Мой взгляд метнулся к матери, но та молчала. Каван нарочно провоцировал меня, это доставляло ему огромное удовольствие. Однако на сей раз хладнокровие мне изменило, на языке вертелся дерзкий ответ. От непоправимой ошибки меня спас шум, поднявшийся снаружи.

– Дорогу! Дорогу! – кричал какой-то юнец, ворвавшись в зал.

Его вопли могли означать только одно: кто-то выполнил Задание и теперь возвращался с трофеями.

В дверях возник Олдрик с приспешниками. Каждый тащил за собой двух коров.

Каван издал гортанный смешок. Я посторонился. Момент был упущен.

Олдрик был идеалом для Кавана. Могучие плечи и слабая воля. Спутанные русые пряди упали ему на лоб, когда он преклонил колени на том самом месте, где минуту назад гордо высился я. Позади него маячили двое солдат, придирчиво отобранные им для Задания. Оба перепачкались красным илом, один щеголял голым торсом.

Скрестив руки на груди, я наблюдал за происходящим. Шесть коров в столовой.

Разумеется, Олдрик мог оставить их снаружи, но как не похвастаться самой крупной, самой богатой добычей?

Спросите, какая самая скудная? Труп в джутовом мешке.

– О, великий Каван, я раздобыл полдюжины голов скота для армии Дарейна. Прими мое подношение в знак преданности и доблести, – проговорил Олдрик, не поднимая головы.

Кто-то зааплодировал, предвкушая сытную трапезу. Хотя этим мясом не накормить и четверти наших людей.

Каван поднялся, придирчиво осмотрел коров. Покончив с

осмотром, он хлопнул Олдрика по плечу и обратился к толпе:

– Что скажете? Довольны вы подношением?

– Да! – гаркнули все.

Ну, почти все.

Каван утробно расхохотался:

– Я тоже. Поднимись, Олдрик. Ты славно послужил своему народу.

Снова грянули овации. Присутствующие столпились вокруг Олдрика с товарищами. Воспользовавшись суматохой, я поспешил прочь. Можно только гадать, откуда умыкнули часть стада. Еще и гордятся! Мысленно я осуждал Олдрика, но стоило взглянуть на свою рубашку, как гнев моментально улетучился. Не мне упрекать его, не мне.

Такая у нас работа, и сейчас, когда работа выполнена, можно немного вздремнуть. Если единственная дорогая моему сердцу женщина в замке позволит.

Я отворил дверь, и Колючка тут же заскулила.

– Ну прости, прости. – Я подошел к небрежно застеленной кровати, погладил шерсть на макушке.

Колючку я подобрал совсем лисенком – раненую, покинутую стаей. И сразу почувствовал в ней родственную душу. Серые лисицы, как правило, ведут ночной образ жизни – факт, который я усвоил на собственном горьком опыте, однако к моему приходу Колючка всегда просыпалась.

Она развалилась на одеяле. Я почесал ей животик, убрал

деревянную заслонку с окна.

– Извини, не хочу, чтобы ты видела меня с мечом. Беги, если пожелаешь.

Колючка не двинулась с места. Я наклонился к маленькому щербатому зеркальцу на столе. Увиденное превзошло самые худшие опасения. На лбу запеклась грязь, щека забрызгана кровью. Смочив в тазу полотенце, я стер следы своих злодеяний.

Колючка расхаживала по кровати и – готов поклясться! – косилась на меня с тревогой. Серые лисицы относятся к семейству псовых и обладают поистине волчьим чутьем. Уверен, по одному только запаху Колючка догадывалась, кто ее хозяин и чем занимается. Однако, имея полную свободу приходить и уходить когда вздумается, она всегда возвращалась. Наверное, прощала.

А впрочем, какая разница. Главное, я сам не находил себе ни прощения, ни оправдания.

Анника

– Готово, госпожа. – Ноэми приколотла декоративную вставку к корсажу. – Последний штрих. – Она закусила губу, не решаясь продолжить.

Я выдавила из себя ободряющую улыбку:

– Выкладывай! С каких пор у тебя от меня секреты?

Ноэми нервно тербила темные кудри:

– Никаких секретов, госпожа. Просто размышляю, не рановато ли вы собрались встретиться с ним. Да и вообще с кем-либо.

Она пожевала губу. Очередная милая привычка.

Я взяла Ноэми за руку:

– Завтра День основания. Народ должен лицезреть свою принцессу в добром здравии. Мое присутствие при дворе воодушевляет подданных, в этом и состоит мой долг. – Я опустила голову.

Будь Ноэми моей настоящей сестрой, то непременно возразила бы. Но слуги не спорят с господами, поэтому она лишь буркнула:

– Вам виднее.

Уложив мне волосы и расправив платье, Ноэми натянула на меня самые хорошие туфли и сопровождала до дверей.

Хотя вся моя жизнь прошла в этих стенах, я не уставала восхищаться замком Мекона, его запахнутыми окнами, огромными мраморными полами и бесконечными галереями. Но главное, здесь был мой дом.

Мои родители отказались венчаться в церкви и просто обменялись клятвами на лугу, раскинувшемся за крепостными стенами.

Я родилась здесь. Тут я произнесла первые слова, сделала первые шаги, получила первые впечатления. Все здесь наполняло меня гордостью и любовью к замку, к стране. Ради них я была готова на многое. Собственно, нет ничего, чем я бы не пожертвовала ради Кадира.

Я медленно направилась к обеденному залу, но у самых дверей замерла. Может, Ноэми права, может, еще слишком

рано? Но меня уже заметили, отступить было поздно.

Эскал увидел меня раньше отца. Торопливо поднялся и двинулся мне навстречу. Очутившись в его объятиях, я впервые за долгое время улыбнулась по-настоящему.

– Я хотел тебя проведать, но Ноэми не пустила, – отбросив со лба непокорную прядь, шепнул он.

Мы с братом унаследовали от матери пепельно-каштановые волосы и карие глаза, в остальном Эскал был точной копией Терона Ведетта.

– Ты не много потерял. Какая радость слушать, как сестра кряхтит и сетует на судьбу. Да и потом, уверена, у тебя была уйма важных дел. – Я старалась говорить беззаботно, но вышло на редкость фальшиво.

– Ты очень изменилась внешне.

Я пожала плечами:

– Внутренне тоже.

Эскал шумно сглотнул:

– Значит, все решено?

Я кивнула и понизила голос:

– Отцу осталось назначить дату.

– Сядь перекуси. Булочки с корицей как рукой снимут любую печаль.

Услышав коронную мамину фразу, я, хихикая, приблизилась к столу. Мама хорошо разбиралась в лекарствах для израненной души. Солнечный свет, музыка, булочки с корицей...

Впрочем, радость длилась недолго. Поравнявшись с отцом, я присела в почтительном реверансе и затаила дыхание:

– Ваше величество.

– Анника, рад снова видеть тебя в добром здравии, – с нажимом произнес отец.

Одной фразы хватило, чтобы понять: тьма, время от времени окутывающая его разум, сегодня была особенно непроглядной.

Подавленная, я устроилась по левую руку от отца, посмотрела на придворных, тихонько поглощающих завтрак. Звяканье ножей и вилок по фарфору мелодией звучало на фоне приглушенного гула голосов. Свет, струившийся сквозь сводчатые окна, обещал погожий денек.

– Раз ты поправилась, пора поговорить о делах, – начал отец. – Завтра День основания. Николас приезжает сегодня вечером. Почему бы тебе сразу не предложить ему руку и сердце?

– Сегодня? – Хотя я и смирилась с неизбежным, но надеялась оттянуть момент. – Как вы вообще узнали, что я появлюсь при дворе?

– Ничего я не знал. Но ваш брак – дело решенное. Николас никогда не навещает во дворец без повода. Так зачем тянуть? Объяснишься с ним сразу после ужина.

Да, ловко он все обставил – не придерешься.

– А почему... предложение делаю я, а не он?

– Протокол. – Отец пожал плечами. – Ты выше его по

статусу. – Он злобно прищурился, не готовый простить мою недавнюю дерзость. – Да и духом крепка не в меру. С тебя не убудет, если проявишь инициативу.

Мне хотелось кричать, хотелось умолять его вновь стать заботливым и любящим. В глубине ледяных глаз скрывался тот, кто понимал меня, видел во мне мамины черты. Я безумно скучала по тому отцу и из кожи вон лезла, чтобы не возненавидеть его новую ипостась.

Однако я истинная дочь своей матери. Ради нее на моих губах играет улыбка, а поступками руководит единственное стремление – сохранить семью, точнее, то, что от нее осталось.

– Вы правы, ваше величество. Не убудет.

– Вот и славно. – Отец снова склонился над тарелкой.

Эскал не обманул. Глазированные булочки с корицей горкой высились на блюде и буквально манили к себе. Однако у меня начисто пропал аппетит.

Леннокс

Через несколько часов я проснулся. Колючка еще дремала, пристроив мордочку у меня в ногах. Интересно, почему она, по обыкновению, не улизнула туда, где пряталась сутки напролет. Наверное, чувствовала, как сильно я нуждаюсь в ней.

Сорванные еще утром ягоды лежали в поясной сумке. Я высыпал горстку на край кровати, переоделся. Заправил черные штаны в сапоги из черной кожи, поверх белой рубахи накинул черный камзол и плащ, хотя ездить верхом сегодня

не собирался.

День выдался туманный, ветер ерошил мне волосы, пока я брел к полям.

Каменистая тропа спускалась к океану, где люди на утлых суденышках широкими сетями ловили рыбу. Другие убирали хлеб, жали снопы. В лесах, окружавших замок, росли фруктовые и ореховые деревья. Земля была плодородной. Жаль только, пахать на ней приходилось не разгибая спины.

Чуть поодаль лязгали мечи. Я направился к ристалищу, намереваясь предложить себя в качестве наставника. Однако небольшой отряд уже трудился под грамотным руководством Иниго, а значит, и тут во мне не нуждались. Закинув ногу на низкий деревянный бортик, я наблюдал, не затесался ли в ряды новобранцев какой-нибудь самородок.

– Это он, – донесся до меня чей-то шепот. – Сегодня утром зарубил троих дезертиров. Говорят, он глаза и уши Кавана.

– Именно ему поручают... разобраться со знатными пленными, – вторил приглушенный голос. – Даже у телохранителей Кавана не поднимается на них рука.

– Каван, конечно, могуч, но не безжалостен, – подхватил третий.

– Интересно, он нас слышит?

– Если я глаза и уши Кавана, то мне полагается видеть и слышать все, – бросил я, не оборачиваясь.

И устремил взгляд на ристалище, в чем вскоре раскаялся.

Стоило мне встретиться с человеком глазами, как он моментально отводил взгляд.

Я давно познал прелести «славы» и теперь гадал, доживу ли до истинного признания.

Тугой обруч сдавил сердце. Плевать на признание! Только истинное прощение способно притупить мою боль.

Я с бесстрастным видом наблюдал за спаррингом, но в голове царил сумятица.

– Кто-нибудь произвел впечатление?

Увидев рядом с собой Кавана, я выпрямился, стараясь не смотреть в его сторону, чтобы скрыть презрение.

Равнодушный к нарядам, Каван щеголял в старых кожаных доспехах. Смоляные волосы стянуты на затылке в неряшливый хвост, из которого выбилась длинная прядь. Если глаза достались мне от матери, то из-за шевелюры новобранцы часто принимали меня за сына Кавана.

– Рано судить.

Каван хмыкнул:

– На днях к нам примкнули двое из Сибрала.

Повисла пауза. Сибрал располагался далеко на западе и граничил с землями врага.

– От Сибрала до нас путь немалый, – заметил я.

– Немалый. Собственно, они шли наугад и даже не подозревали о нашем существовании, но с радостью завербовались за теплую одежду и кров.

– Не подозревали о существовании, – пробормотал я.

– Ничего, скоро все узнают. – Он наклонился, подтянул тяжелые штаны. – Насчет твоих утренних подвигов. Трое против одного – это достойно уважения. Но лучше заранее предотвратить побег, чем потом гоняться за беглецами. Больше проку. Нельзя разбрасываться людьми.

Я прикусил язык. Не моя вина, что крохотное королевство Кавана не оправдывает людских ожиданий.

– Твои варианты?

– Предупредить. Доходчиво и в красках. – Каван обратил взор к небу. – Слышал, вечером у тебя занятия с рекрутами? Вот и обрисуй им последствия.

Я со вздохом отвернулся:

– Да, господин.

Он хлопнул меня по спине:

– Вот и молодец! А пока понаблюдай. заметишь кого-нибудь стóящего, сразу сообщи.

Он зашагал прочь. Люди почтительно расступались перед ним. Передо мной тоже, но не с таким подобострастием. Пожалуй, отсюда можно извлечь ценный урок. Если меня отказываются признавать и прощать, пусть хотя бы боятся.

Анника

Аромат старых книг опьянял с порога, и тяжкий груз на душе стал чуточку легче. Я обвела взглядом библиотеку, не упуская ни малейшей детали, наслаждаясь ощущением мира и покоя, которым веяло от здешних стен.

Библиотека была истинным кладезем мудрости и знаний. Низкие стеллажи образовывали подобие лабиринта, а между ними стояли столы для чтения. Когда полуденное солнце било в окна, от зрелища захватывало дух. В такие часы особенно приятно засесть с книгой и греться, как кошка, в теп-

лых лучах. Блаженство!

В дальнем конце огромного помещения стеллажи доходили до потолка, а вдоль полок с книгами наверху шла галерея, к которой вели высокие лестницы. От взгляда на эти лестницы у меня кружилась голова. Старинные фолианты крепились к полкам цепями. Если кто-то хотел вынести их из библиотеки, то должен был получить разрешение короля, а затем убедить Ретта, который охранял библиотеку как зеницу ока, исполнить высочайшую резолюцию. Наша литературная сокровищница не знала себе равных, а среди посетителей числились подданные соседних королевств. Под резными деревянными скамьями хранились ведра с песком – на случай пожара. Но эта напасть нас миновала.

Пока я умиротворенно глазела по сторонам, Ретт с добродушным смешком вывернул из-за высокого шкафа:

– А я все гадаю, куда ты запропастилась! – Водрузив стопку книг на ближайший стол, он заключил меня в объятия.

Ретт единственный во всем дворце общался со мной по-своейски, без всяких церемоний. То ли потому, что мы вместе росли, то ли потому, что в юные годы он работал на конюшне и привык видеть меня растрепанной и чумазой, но Ретт держался так, словно мою голову украшала не тиара, а помпон.

– Слегка приболела.

– Надеюсь, ничего серьезного? – Он отступил на шаг и ослепительно улыбнулся.

– Да так, пустяки.

– Какие будут пожелания? – ухмыльнулся Ретт.

– Сказки. Где главный герой получает все, что душе угодно, а потом живет долго и счастливо.

Не переставая ухмыляться, Ретт поманил меня пальцем:

– Тебе повезло. На этой неделе как раз завезли новинки. На правах старого друга позволю порекомендовать сей опус... – он выдернул книгу с верхней полки, – который ты, моя госпожа, прочла вдоль и поперек, но давненько не перечитывала.

Он вручил мне потрепанный томик. Интересно, открывали его кто-нибудь, кроме меня? Иногда возникало чувство, что я единственная наведываюсь в библиотеку.

– Спасибо. То, что надо. Заодно расслаблюсь.

– И новенькое захвати. – Ретт всучил мне вторую книгу. – Все равно читаешь с рекордной скоростью.

– Ты мне льстишь.

Ретт как-то странно взглянул на меня:

– Может, посидим, выпьем чая? Кстати, подобрал для тебя любопытный замбк...

Я сокрушенно вздохнула. Конечно, остаться хотелось. Но завтра трудный день. А вечер накануне еще труднее.

– Прибереги замбк на потом. Рано или поздно я тебя оставлю!

Ретт притворился оскорбленным:

– Выйдет ли из тебя мудрая правительница? Определенно. Рекордсменка по чтению? Вне всяких сомнений. Но вир-

туозная медвежатница? Исключено!

– Во-первых, это мы еще посмотрим, – хихикнула я. – Во-вторых, мне вообще не светит корона. Брат унаследует престол. Когда-нибудь.

– Сути это не меняет, – откликнулся Ретт, не переставая улыбаться.

– Спасибо за книги.

– Всегда пожалуйста, ваше высочество.

На том и распрощались.

Обратный путь превратился в пытку. Я заранее смирилась, что ноги будут болеть, но не представляла, до какой степени. На середине лестницы книги едва не выскользнули у меня из рук. Я неудачно дернулась – и мгновенно прокляла свои рефлексy.

Левую ногу словно пронзило штырем. С губ сорвалось шипение. Я затравленно огляделась. Уф, вроде никого.

Стараясь не делать резких движений, я побрела к себе. Казалось, дорога заняла целую вечность, но быстрее шагать не получалось. Наконец я добралась до своих покоев.

– Ваше высочество! – Ноэми бросилась ко мне и спешно затворила двери.

Поморщившись, я задрала юбки:

– Совсем худо?

– Похоже, рана снова открылась. Хорошо, что только одна. Сейчас доведу вас до постели. – Она закинула мою руку себе на плечи, помогла выпрямиться. – Скажите на милость,

как вас угораздило?

– Ну... я поела. Заглянула в библиотеку. Ты ведь знаешь, какая я сумасбродка.

Ноэми со смешком уложила меня на живот:

– Зато вы снова шутите. Добрый знак.

Вопрос – надолго ли?

– Пожалуйста, принеси мне книги. Я хоть чем-нибудь займусь.

Ноэми молниеносно исполнила поручение. Оба тома перекочевали на прикроватный столик. Я окинула взглядом обложки: одну потрепанную, вторую совершенно нетронутую – и мысленно порадовалась, что Ретт уговорил меня взять обе. До вечера мне точно не встать, хоть будет чем заняться.

– Его величество сообщил, что сегодня вечером у вас очень ответственное мероприятие. Велел приготовить лучшее платье. Для торжеств мы обычно надеваем серебристое, но, думаю, сегодня больше подойдет темно-красное. Так будет безопаснее.

– Спасибо за совет, Ноэми. Непременно воспользуюсь.

– Сейчас будет щипать.

– Знаю.

Я мужественно, без единого звука, вытерпела манипуляции Ноэми. Чем меньше она знает о моей боли, тем лучше. И пока лежала, я пыталась подобрать слова для объяснения. Особенно для объяснения с тем, кто не будоражил моего

сердца.

Я горестно вздохнула, стараясь унять отвращение. Брак родителей тоже заключался не на небесах, но их любовь была настолько беззаветной, что ее трагический финал полностью сломил отца. После исчезновения мамы он еще долго не мог прийти в себя.

В общем, брак по расчету не так уж страшен. Да и потом, замок настолько велик, что, если постараться, мы с супругом будем пересекаться лишь за общим столом. У меня по-прежнему останутся мои покои, библиотека, брат и Ноэми. Останутся конюшни, друзья и близкие. Просто добавится супруг – и только.

Едва Ноэми закончила врачевать рану, я открыла книгу и с головой погрузилась в мир, где сбываются самые заветные мечты.

Леннокс

– Не отставать! – Я вел отряд молодых рекрутов на пригорок, нарочно минуя место, где утром встретили свою смерть трое дезертиров.

Дувший с океана ветер шелестел травой, и мне приходилось то и дело повышать голос. Не беда. Люди привыкли к моим грозным воплям.

– Стой, смирно! – скомандовал я дюжине новобранцев, столпившихся на вершине холма. – Представьте, что вы на задании и отбились от отряда. Заблудились в лесу или по-

теряли компас. Ваши действия? – (Ответом было тягостное молчание.) – Что, никто?

И снова тишина. Рекруты переминались с ноги на ногу и дрожали всем телом.

– Ладно. Если беда приключилась с вами днем, все просто. Солнце движется с востока на запад. – Я опустил взгляд и моментально нашел искомое. – Возьмите палку длиной два-три фута и воткните вертикально в землю. – Я воткнул палку в землю. – Как только взойдет солнце, ну или когда вы сообразите, что потерялись, положите камень на кончик тени от палки. – Я пометил камнем воображаемую тень. – Ждете минут пятнадцать. Солнце сместится, тень тоже, и вы отмечаете другим камнем новую границу. – Неподалеку от первого камня лег второй. – Линия между двумя точками указывает направление восток-запад. Следуйте на восток, потом поверните на север – и выйдете к замку. Либо к океану. Надеюсь, их-то вы не перепутаете.

Никакой реакции. Хотя лично мне шутка показалась забавной.

– Ночью совсем другое дело. Тут вам необходимо ориентироваться по звездам.

Новобранцы томились, ежились и лязгали зубами. Неужели они не осознают всей серьезности ситуации? Ведь на кону целое королевство, а их заботит лишь холод.

– Посмотрите на небо. Видите четыре звезды, похожие на неровный прямоугольник? – (Молчание.) – Видите или нет?

– Да, – наконец ответил кто-то.

– Все видят? Если нет, говорите сразу. Когда заблудитесь, будет поздно. – (Тишина.) – Отлично! Это Большая Медведица. Теперь поднимите глаза чуть выше и найдите самую яркую звезду на всем небосводе – Полярную. Нашли? – (В ответ – невнятное бормотание.) – Полярная звезда четко указывает на север и всегда остается неподвижной, а другие светила вращаются вокруг. Еще раз посмотрите наверх, запомните точку, прочертите от нее воображаемую линию до Полярной звезды и следуйте в том направлении. Этот ориентир выведет вас напрямиком к замку.

Интересно, кто-нибудь понял? Хотя чего тут понимать, элементарные же вещи! С другой стороны, астрономии я обучился раньше, чем чтению, пока в моем распоряжении еще было что читать. Никаких вопросов не последовало, и я продолжил:

– Второй способ: берете две палочки, затем выбираете какую-нибудь яркую звезду и выстраиваете палочки на расстоянии около метра друг от друга прямо под выбранной вами звездой. Как и в случае с солнцем, ждете минут двадцать, пока звезды не сдвинутся. Если ваш ориентир сияет прямо над палками, значит вы обращены лицом на восток. Если он сместился вверх или вниз, вы смотрите на запад. Перекочевал вправо – на юг, влево – на север. Только не перепутайте, иначе заблудитесь окончательно... Задание на ближайшие несколько ночей: собираемся здесь и тренируемся, да-

же в туман. Через месяц усвоите. А сейчас посмотрите на меня. – (Рекруты повиновались.) – Теперь вам известно, как находить дорогу по звездам. Но сразу предупреждаю. – Я поочередно обвел взглядом каждого. – Если решите употребить эти знания для побега, будете иметь дело со мной. И тогда вам не поздоровится. Уяснили?

– Да, сэр, – отозвался какой-то смельчак.

– Вот и хорошо. Свободны.

Едва холм опустел, я растянулся на траве и устремил взор в небо.

Временами в замке царил невыносимый шум. Даже в моей комнате не было спасения от топота, громогласных споров, глупого смеха. Но здесь... здесь никто не мешал моим думам.

Неподалеку послышался шорох. Я встрепенулся, но, заметив Колючку, успокоился.

– Привет, девочка. Охотилась? Ну и как, удачно?

Я потянулся почесать ее за ухом, но лисица тенью растворилась в сумерках, оставив меня созерцать небосвод.

Его красота завораживала, но вместе с тем неумолимо напоминала о тщетности и суете человеческой жизни. Отец учил меня различать созвездия, рассказывал легенды о тех, чьи имена увековечены среди звезд. Не знаю, правда это или нет, но хочется верить, что где-то далеко-далеко другой отец рассказывает сыну те же истории и сын, вдохновившись, мечтает о подвигах, мечтает сам стать легендой и об-

рести место в звездной вышине.

Бедный мальчик! Когда-нибудь его мечты разобьются о реальность. Но пусть не сегодня. Хотя бы не сегодня.

Анника

Луна высоко сияла на небосклоне в обрамлении мерцающих алмазов звезд, но зоркий глаз различал за белым ореолом другие оттенки: голубой, желтый, розовато-красный. Ночное небо, словно первая красавица при дворе, облачилось в ослепительный звездный наряд, а голову увенчало лунной короной.

В зале гремела музыка, люди веселились, танцевал и стар и млад. Одна я, привалившись к стене, смотрела в окно.

Кузен Николас приехал, как обещал, и сейчас бродил сре-

ди присутствующих – прямой как палка, со скупающей миной. Впрочем, так он выглядел всегда.

Николас, носивший титул герцога Канисского, был высоким, худым, с темно-каштановыми волосами и настороженным взглядом, который свидетельствовал о потаенных мыслях. Как человек, не в меру открытый, я, помнится, даже восхищалась этой чертой. Николас был вежлив, учтив и происходил из нужной, по мнению моего отца, семьи.

Его родителей заподозрили в узурпаторстве и казнили по приказу моего деда. У матери в жилах текла королевская кровь; леди Леона приходилась монарху седьмой водой на киселе через какого-то дальнего предка, настолько дальнего, что на семейном древе эта ветвь давно зачахла. Николаса, в ту пору еще ребенка, пощадили, а в сознательном возрасте он присягнул на верность моей семье. На родине у него наверняка имелись сторонники, однако все поступки говорили о безграничной преданности династии Ведетт. Но слухи не умолкали, и отец решил действовать. Уже много лет он только и помышлял, как бы устроить наше с Эскалом будущее.

Подобрать партию Эскалу оказалось нелегко: за каждой потенциальной невестой тянулся шлейф либо обязательств, либо сомнительных преимуществ для королевства. Мне в супруги годился лишь тот, кто отнимет у меня право на престол и нашим союзом упрочит положение Эскала. Никакой замысловатой арифметики, никаких завуалированных фраз. Все предельно ясно... всем, кроме меня.

На предложение отца я ответила категорическим отказом. Но меня переубедили – болезненно и доходчиво. Теперь Николас таскался за мной по пятам, не оставлял ни на минуту. Стоило мне отойти к гостям, он тут же вырастал рядом и норовил прильнуть к плечу.

– На балах ты обычно танцуешь, – заметил он.

– Только не сегодня. Я еще не оправилась после болезни.

– Мм... – протянул он, но с места не сдвинулся и пристально наблюдал за толпой. – Ты ведь любишь ездить верхом? Покатаешься завтра с его величеством, его высочеством и со мной, да?

В этом весь Николас. Ставит перед фактом, а в конце, из вежливости, добавляет вопрос.

– Очень люблю. Если здоровье позволит, непременно к вам присоединюсь.

– Рад слышать.

Если рад, почему не улыбнешься? Почему ты вообще никогда не улыбаешься?

Я отвела взгляд, стараясь представить, каково это – провести с таким человеком всю оставшуюся жизнь, и, по обыкновению, задалась вопросом: а как поступила бы мама? Однако мысли упорно перескакивали на другое: как мама повела бы себя до событий, предшествовавших этому? Во-первых, вступилась бы за меня, даже рискуя навлечь на себя отцовский гнев. В этом я не сомневалась. Во-вторых, останься отец непоколебим, мама и тут нашла бы свои плюсы. Изучи-

ла бы ситуацию вдоль и поперек, выискивая светлые стороны.

Я глянула на кузена. Да, он холоден, суров, но за ним наверняка будешь как за каменной стеной. Возможно, Николас из тех, кто свято оберегает и хранит свои приоритеты, к которым относится и будущая супруга.

Что касается любви... По Николасу не угадаешь, способен ли он вообще на пылкие чувства. Я сама влюблялась лишь раз. Да и то мимолетно, в далеком детстве. Вспомнилась та конная прогулка с мамой и дом на обочине. Мне очень недоставало вылазок в большой мир. Недоставало маминой заботы.

Я перехватила взгляд отца, как бы говоривший: действуй, хватит тянуть. Судорожно сглотнув, я расправила плечи:

– Николас?

– Тебе нужно перекусить, да? Ты ведь почти ничего не ела за ужином.

Так он еще и следил за мной?! Невероятно!

– Нет, спасибо. Отойдем на минутку?

Николас озадаченно нахмурился, но покорно двинулся за мной в уединенный коридор.

– Чем могу служить? – сведя брови к переносице, поинтересовался он.

Испарись, промелькнуло у меня.

– Сказать по правде, мне очень неловко. Разговор предстоит деликатный. Но, надеюсь, ты не откажешься меня вы-

слушать. – В тот момент я ненавидела собственный голос – безучастный, глухой.

Однако Николас будто и не заметил, только сдержанно кивнул. Наверное, берег силы.

На лбу у меня выступила испарина. Как спросить, чтобы не обидеть?

– Не сочти за оскорбление, но, согласно протоколу, инициатива должна исходить от меня. – Я прочистила горло, выдавывая из себя нужные реплики. – Николас, не окажешь ли честь стать моим мужем? Если нет, я все пойму и не обижусь...

– Да.

– Да?

– Конечно да. В данном случае это самое разумное решение.

Разумное решение. Только эти два слова и приходят на ум, когда помышляешь о браке. Не *дикая страсть*, не *любовь до гроба*, как в романах.

– Согласна. А сколько радости мы принесем подданным. Они только и ждут, когда мы с Эскалом обзаведемся семьями.

– Уверен, наш пример его вдохновит, – поддакнул Николас.

И вдруг ни с того ни с сего сгреб меня в охапку и поцеловал. Как выяснилось, если человек не способен изобразить улыбку, то и целуется он кошмарно. Два главных события в

жизни девушки – предложение и первый поцелуй – обернулись для меня горьким разочарованием.

– Пора возвращаться. – Николас протянул мне руку. – Надо сообщить его величеству.

– Непременно. – Я со вздохом последовала с ним в балльный зал.

Отец выжидательно посмотрел на меня, в его глазах читался немой вопрос. А в моих – безмолвный ответ.

Неужели он не понимает, что разбил мне сердце? Не понимает, что натворил? Или, того хуже, понимает и намеренно приносит меня в жертву?

Нет, не верю! Где-то там за суровым фасадом скрывается прежний, заботливый папа.

Словно почуяв недоброе, Эскал поспешил к нам:

– Прости за вторжение, кузен Ник, но...

– Николас, – поправил мой новоиспеченный жених. – Ни в коем случае не Ник. – Он скривился так, словно односложное имя было ниже его достоинства.

Эскал быстро стер с лица саркастическую ухмылку:

– Само собой. Николас, позволь похитить у тебя сестру. Мы с ней очень давно не танцевали.

– Вообще-то, – нахмурился Николас, – у нас очень важная новость...

– Одну песню потерпит. Идем, Анника. – Эскал увлек меня прочь и, едва мы очутились на безопасном расстоянии, выпалил: – У тебя такой вид, словно ты вот-вот заплачешь.

Потерпи хотя бы пару минут.

– Потерплю. Только помоги отвлечься.

Мы закужились в танце. Наверное, я улыбалась... хотя не поручусь. В груди возникла щемящая пустота, сопоставимая лишь с горечью утраты мамы.

– Я рассказывал, как в детстве пытался сбежать из дому? – спросил Эскал.

– Врешь! Не было такого! – фыркнула я.

– Еще как было! К десяти годам я вдруг осознал, что стану королем. Забавно, правда? Любой другой сообразил бы раньше. Иначе к чему расписывать мой день по минутам? К чему запрещать водиться с теми, с кем мне хочется? К чему все разговоры родителей о моей предстоящей свадьбе?

– В самом деле забавно. По-моему, я догадалась о твоей коронации раньше, чем научилась читать.

– Немудрено, ты ведь у нас самая умная. Озарение у меня случилось, когда отец показал на фамильном древе наши имена, начертанные яркими, еще не потускневшими чернилами. Сама ветвь давно выцвела, а мы с тобой – нет. В общем, я дико испугался. А потом отец заговорил о защите границ, подписании соглашений и прочих вещах, слишком серьезных для такого маленького человека, как я.

Я сочувственно посмотрела на брата:

– Глупенький! Ну кто посадит десятилетнего ребенка на трон?

Эскал с улыбкой огляделся по сторонам:

– Зришь в корень. Но я почему-то возомнил, что все произойдет мгновенно и мне с ходу доверят управлять государством. А поскольку управлять им не хотелось, я замыслил побег... Ретт служил при дворе всего с полгода. Совсем ребенок, но я доверял ему безмерно. Он снарядил меня в дорогу, помог выбрать лошадь.

– погоди! – Я с изумлением помотала головой. – Ретт чуть не устроил тебе побег?

– Ага. Согласился, даже не раздумывая. Сегодня его на такие подвиги не подбить.

– С тех пор он набрался ума, ничего не скажешь, – хихикнула я.

– Это верно. В общем, пока Ретт паковал мне вещи, я зашел за письмо родителям, где извинялся за столь малодушное бегство. И написал такие строки, цитирую дословно: «Корона должна достаться Аннике. Она справится лучше меня».

Я отвернулась:

– Ну и шуточки у тебя!

– Клянусь, так и было! Я ни секунды не сомневался, что ты в свои семь достигнешь большего, чем я в свои десять. С годами мое мнение не поменялось. У тебя талант правителя. Люди спрыгнут с обрыва, если ты прикажешь.

– Не валяй дурака!

Эскал привлек меня к себе и отчеканил:

– Анника, если из меня и выйдет мудрый король, то исключительно благодаря тебе. Ты всегда одернешь меня, убе-

режешь от ошибок. Если мне случится о чем-то забыть, ты напомнишь. Знаю, сегодня ты сама не своя, что-то умерло у тебя внутри. Это очень заметно.

Из моей груди вырвался горестный вздох. Николас прав. Я вся как на ладони.

– Но ты должна найти в себе силы. Ради нас. Ради меня.

Мы скользили по залу. Слова брата не шли из головы, и от них хотелось выть в голос, но совсем по другой причине. Николас и узы брачных обязательств отняли у меня надежду, а Эскал, его вера, напротив, возвращали к жизни.

– погоди! Так ты сумел улизнуть из дворца? Отец послал за тобой погоню?

Эскал сокрушенно вздохнул:

– Я допустил роковую ошибку: попросил кухарку приготовить мне еды в дорогу. Она наябедничала маме... а та перехватила меня в конюшне и убедила остаться.

– Само собой.

– Само собой, – эхом вторил Эскал. – Понимаю, тебе сейчас тяжело, но знай: ты всегда можешь на меня положиться.

Я посмотрела на своего отчаянного, храброго, чудесного старшего брата:

– Взаимно.

Леннокс

В столовой все было по-прежнему: шумно, суматошно и сумрачно, хотя за окном сияло солнце. Переступив порог, я хотел, по обыкновению, положить руку на рукоять меча, но потом сообразил, что не надел его к завтраку, и сейчас, в окружении враждебной толпы, горько сетовал на свою забывчивость.

Если выпадала возможность, я старался перекусить до того, как нахлынет людская масса, ну или после. Если нет, просто хватал что подвернется под руку и уходил. Стоя в дверях,

я подумывал взять краюху хлеба и поскорее унести ноги, хотя сам был голоден как волк.

Но моим планам не суждено было сбыться. Уже через мгновение передо мной возникла дрожащая девочка и задралась глазами на меня.

– Ну, говори! – (Она открыла рот, но не издала ни звука.) – Не бойся. У меня нет привычки убивать гонцов.

Девочка по-прежнему колебалась, но затем, кое-как сохладив с собой, выпалила:

– Каван требует вас к себе.

– В самом деле? – изумился я.

Она молча кивнула и, сочтя свою миссию выполненной, чуть ли не бегом поспешила прочь.

Любопытно, зачем я понадобился ему? Мысленно простившись с завтраком, я направился в покои Кавана, некогда принадлежавшие первому правителю замка.

Главное – помнить три вещи. Во-первых, это *он* послал за мной, а потому не стоит перед ним пресмыкаться. Во-вторых, не перечить, проглотить свою спесь. И в-третьих, свято соблюдать правила.

Не убегать, не оглядываться и не оправдываться. Именно эти заповеди помогли мне выжить.

Я постучал в дверь. Каван выждал пару секунд и только потом распорядился открыть. На пороге возник противно ухмыляющийся Олдрик. Он посторонился, пропуская меня внутрь. Каван восседал за письменным столом. Позади мая-

чили телохранители Слоун, Иллио, Мэстон и присоединившийся к ним Олдрик.

Разве не мне полагалось занять это почетное место? Разве не я был сыном женщины, повисшей сейчас у него на руке? Разве не я выполнял за Кавана всю грязную работу? Разве не меня страшили в замке больше других?

Но от Кавана милостей не дождешься. А унижаться до просьб я не собирался.

– Вы хотели меня видеть, сэръ? – Последнее слово я добавил нарочно, чтобы хоть как-то сгладить свою непочтительность.

Единственный потомок нашего давно усопшего правителя, Каван имел все основания зваться королем, однако, по его собственным заверениям, берег этот титул до лучших времен. «Сперва нужно завоевать королевство», – говаривал он. Однако все попытки представить его с золотым обручем на спутанных космах неизменно наводили на мысль, что никакой трон не добавит ему величия.

– Хотел. – Каван смотрел так, словно за мной числился какой-то неведомый проступок. – Пора тебе проявить себя. Отправишься на Задание.

Я едва не расплылся в улыбке. Задание. Ну наконец-то!

Так Каван испытывал своих подданных на преданность. Потенциальных перебежчиков к Заданиям не допускали, а те, кто возвращался, обретали статус... неприкосновенных. Своим мечом я снискал долю славы, но, помимо людского

страха, который внушало одно мое имя, жаждал еще и уважения.

Всякий, кому доверяли Задание, набирал себе команду и пускался в путь. Конкретных целей при этом не ставилось, главное, чтобы результат был на пользу народу. Среди трофеев ценились провиант, домашний скот и новые рекруты.

Однако меня не покидало чувство, что все добытое до сих пор... ничего по большому счету не меняло.

И я намеревался исправить это упущение.

– Благодарю за честь, сэр.

– Как известно, тот, кто отправляется на Задание, сам отбирает людей. Однако... – Каван выдержал многозначительную паузу, и меня вновь кольнула тревога. – Я уже сделал это за тебя.

– С какой стати?!

На губах Кавана блуждала ухмылка. Он явно наслаждался действием. Мой взгляд метнулся к матери. Она, по обыкновению, промолчала и даже не подняла на меня глаз.

– Тебе нужно проявить себя, но ты чересчур безрассуден. Поэтому я отправляю с тобой проверенных людей, они не позволят тебе переступить черту.

И загубят все дело на корню.

– С тобой пойдет Андрэ.

– Тот, что двух слов связать не может? – прищурился я.

– Гриффин.

Я закатил глаза:

– Ему же все побоку!

– Шервин.

– Не знаю такого.

– Блайз.

– Девчонка?

– Ну и наконец, Иниго.

Имя последнего кандидата Каван произнес с особым смаком. Еще бы! Если кто и способен запороть Задание, так это Иниго. На лице у него красовался шрам, оставленный мной. Подчиняться моим приказам он точно не станет.

За спиной Кавана Слоун прикрыл рот ладонью, скрывая усмешку. После всех моих подвигов, после всех отнятых жизней я еще должен что-то доказывать этим людям?

Я повернулся к матери:

– Так и будешь молчать? Неудачное Задание отняло у тебя мужа, а сейчас твоего сына обрекают на верную смерть. Неужели ничего не скажешь?

Она и бровью не повела. Серебристые волосы перекинута через плечо, безмятежный взгляд.

– Если ты достойный сын своего отца, то с горсткой непокорных справишься. Я в тебя верю.

В очередной раз мать бросила мне вызов. В очередной раз я отступил.

– Хорошо. Постараюсь оправдать твое доверие.

Анника

С детства люблю колокола. Однажды мама отвела меня на колокольню, и смотритель устроил нам экскурсию. Мне разрешили потрогать исполинские бронзовые купола и даже дернуть за хомут, но для звука не хватило силенок. Их перезвон всегда возвещал радостное событие. Будь то рождение королевского отпрыска или знаменательная победа, но на моем веку они звонили лишь в честь государственных праздников.

Сегодня они воспевали День основания. Мы всей семьей

собрались на балконе и оттуда по заведенной традиции махали подданным. При всей вычурности этот ритуал позволял мне хотя бы изредка появляться на людях и демонстрировать народу Кадира свою искреннюю готовность служить им верой и правдой. Я всматривалась в лица, ловила воздушные поцелуи и улыбалась, стараясь ничем не выдать своих истинных чувств.

Ветер разметал мне волосы. Я перекинула их на плечо и повернулась к Эскалу, невероятно солидному в мундире со знаками отличия на груди.

Очередная юная особа восторженно выкрикнула его имя. Брат залился краской.

– Привыкай, – хихикнула я. – Только законный брак спасет тебя от толпы обожательниц. Хотя, сдастся мне, они и после свадьбы будут ронять тебе под ноги платочки. А ты прояви твердость, не поднимай.

– Шутишь? – притворно ужаснулся Эскал. – Прекрасной даме не обойтись без платка!

Мой смех зазвенел в такт колоколам. Отец, стоявший по другую руку от Эскала, подался вперед и посмотрел на меня. Искорки в глазах выдавали в нем прежнего, родного папу.

– Сегодня ты копия мамы. Те же волосы на плече, тот же мелодичный смех.

К горлу подступили рыдания. Такие слова из отцовских уст дорогого стоят.

– Правда?

Когда он вновь становился самим собой, когда жестокий туман, окутавший его рассудок после маминого исчезновения, рассеивался, мой мир вспыхивал яркими красками. Появлялась надежда. Это был чуткий, заботливый отец, который гордился мной, не скупился на похвалу. Мелькнула робкая мысль: а вдруг он захочет извиниться за обидные слова, за несправедливые поступки, вдруг сжалится и отменит нелепую помолвку? Мной овладело искушение спросить... но я не отважилась, цена ошибки слишком высока.

Копия мамы.

Мне чуть ли не каждый день доводилось слышать эту фразу, но временами она повергала меня в ступор.

От мамы я унаследовала вздернутый нос, пепельно-каштановые волосы и, судя по портрету в дальней галерее, глаза. Но только ли?

На ум пришла поза Эскала, привычка переносить вес на левую ногу – в точности как у отца. Их совершенно одинаковая манера кашлять... По звуку не отличить. Переняла ли я от мамы какие-нибудь характерные черты, стершиеся из памяти за долгие годы ее исчезновения?

– Здравствуй, душечка. – Подошедший Николас встал около меня на балконе.

Интересно, маме тоже приходилось выдавливать из себя улыбку? И в этом мы с ней похожи?

– Здравствуй.

– Ты участвуешь в королевской охоте на лис? – спросил

Николас, приветствуя взмахами руки толпу.

До обидного не хотелось упускать такую возможность. Отец редко позволял мне выезжать за пределы замка. Но сейчас я даже порадовалась, что могу сослаться на недуг.

– Если помнишь, мне слегка нездоровится. Я бы с удовольствием присоединилась, но, пожалуй, лучше не рисковать. Впрочем, ты великолепный наездник и сумеешь отличиться.

– Не спорю, – отозвался кузен. – Но может, ты хочешь, чтобы я составил тебе компанию?

Мне стоило немалых трудов сохранить приветливый тон.

– Это совершенно лишнее. Я все равно планировала проспать весь день. – Не переставая улыбаться, я обратила взор на толпу, помахала рукой.

– Я тут подумал, – начал он, не переставая оказывать знаки внимания подданным, – зачем затягивать помолвку? Не против пожениться через месяц?

Месяц?

Возникло тягостное чувство... будто меня взяли за горло.

– Ну... нужно спросить его величество. У меня мало опыта в планировании свадеб. – Я попыталась замаскировать страх шуткой.

– Разумеется. Однако я настоятельно советую не откладывать.

Как назло, в голову не шла ни одна убедительная причина для отказа.

– Как пожелаешь, – выдавила я.

Колокола смолкли. Мы в последний раз поклонились толпе и покинули балкон. Публике еще предстояла охота на лис и танец девушек с лентами на площади. Жаль, мне не удастся полюбоваться ими хотя бы с балкона. Потом детвора под нашим чутким руководством искала расписные камешки, спрятанные в укромных уголках вокруг замка, а завершал программу грандиозный пир. Все-таки День основания – лучший праздник.

– Ты сегодня сама кротость, – улыбнулся Николас. – Пользуясь случаем, хочу обсудить еще кое-что. – Он вдруг остановился, взял мои руки в свои, и этот трепетный жест на мгновение рассеял мои страхи.

В самом деле, кого мне бояться? Николаса? Человека, с которым мы пусть шапочно, но знакомы всю жизнь? Да, он не герой моего романа, но и не злодей.

– Тебе уже восемнадцать. Ты благородная леди, принцесса, в конце концов. После объявления нашей помолвки будь добра, закалывай волосы наверх.

Сердце тревожно забилося. Буквально десять минут назад отец хвалил мою прическу.

– Но... моя мама всегда носила распущенные волосы. Нам так больше к лицу.

– Носи, но только не на людях. Анника, ты уже не ребенок, а леди не распускают волос.

Я сглотнула тугой комок. Николас ступил на опасную поч-

ву.

– Моя мать была безукоризненной леди.

Кузен склонил голову набок:

– Анника, я не намерен ссориться. – (Удивительно, почему его спокойный, рассудительный тон так действовал на нервы?) – Но тебе пора взрослеть и вести себя соответственно. Конечно, не все дамы закалывают волосы, но таковых большинство. И моей супруге не пристало выделяться.

Я высвободила руку, запустила пальцы в пепельно-каштановую копну, спускавшуюся до середины спины. Тот же оттенок, те же локоны, как у мамы. Я тщательно ухаживала за волосами: регулярно мыла, укладывала; нет ничего предосудительного в том, что они свободно струятся по плечам.

– Тема исчерпана?

– На сегодня да. Тем более нам пора переодеваться. – Николас припал губами к моей руке.

Наблюдавший за сценой отец одарил меня искренней улыбкой.

На душе скребли кошки. Но расстраивать отца не хотелось. Тем более в праздник. Лучше переждать. Пока все готовились к «охоте за сокровищами», я затаилась в гостиной и, едва улеглась суматоха, поспешила в свое единственное укрытие.

Переступив порог, я на секунду опешила и только потом сообразила почему: в библиотеке царил полумрак. Ретт забыл раздвинуть шторы, и серые тени окутали все вокруг.

Под сводами царила гробовая тишина. Ретт сидел в глубоком бархатном кресле у входа и возился с очередным замком. Заслышав мои шаги, он поднял голову, но, вопреки обыкновению, не улыбнулся.

– Тот самый хитроумный механизм? – поинтересовалась я, осторожно устраиваясь напротив.

Он кивнул и передал мне замок. Надо сказать, довольно увесистый. Я вытащила шпильку из своей неподобающей, как выяснилось, прически и принялась за работу.

– Где достал такой раритет? – спросила я, исследуя шпилькой скважину.

– В помойном ведре. Наверное, валялся где-то. Подобрали, увидели, что ключа нет, и выкинули.

В его голосе не слышалось привычного энтузиазма, и это настораживало. Прежде чем ступить на праведную стезю, Ретт орудовал в густонаселенных городках на окраине страны, где снискал себе славу виртуозного взломщика и карманника. Только очутившись в замке, он оставил прежние занятия.

Как я уже говорила, моя мама была готова простить все

прегрешения.

Ретт трудился на конюшнях не разгибая спины, но при этом демонстрировал неутолимую тягу к знаниям. Когда старая смотрительница библиотеки скончалась, я убедилась, что могу взять на эту должность молодого конюха. Целеустремленный, с пытливым умом, он обнаруживал талант во всем, за что брался. И его таланты простирались далеко за пределы библиотеки. Ретт учил меня владению мечом, хотя это и не поощрялось родителями, и тонкостям воровского искусства. Несмотря на всю браваду, я изрядно уступала ему в ловкости и мастерстве, но бросать увлекательные уроки не собиралась.

– Ты сегодня сам не свой, – нащупав шпилькой уязвимое место, небрежно заметила я.

– Дошли кое-какие слухи.

– Мм... ясно. А вообще, сплетничать – это порок или невинная шалость? Наверное, зависит от предмета. Не удивлюсь, если кухонные сплетни пристойнее великосветских.

Ретт повертел в пальцах длинную соломинку:

– Собственно... речь как раз о великосветской.

У меня екнуло сердце.

– В самом деле?

Ретт вдруг разразился целым потоком слов:

– Ты и правда обручилась с Николасом? И молчала!

Негодование и потемневший взгляд наводили на мысль, что весть о моей помолвке из чужих уст не просто покоро-

била, а оскорбила его до глубины души.

– Да, обручилась. Накануне вечером. Я и не пыталась ничего от тебя скрыть. Просто не горю желанием распространяться на эту тему.

– Так слухи не врут? Вы женитесь? – взволнованно, с надрывом выпрашивал Ретт.

– Да.

– Почему?

Я запальчиво всплеснула руками:

– Это мой долг, наверное, поэтому! – Я вновь склонилась над замком, но шпилька выскальзывала из трясущихся пальцев.

– Вот как... – Голос Ретта потеплел. – Значит... ты его не любишь?

Я с удивлением подняла на него глаза:

– Нет, не люблю. Но мое сердце принадлежит Кадиру, и ради своей страны я выйду за Николаса. Хотя от одной мысли у меня щемит в груди, а легким не хватает воздуха. Возможно... возможно, мне следовало поменьше читать. Но я всегда грезила о страсти, о неземной любви, которая сводит с ума, лишает рассудка. Грезила о глотке свободы в золотой клетке... но увы! Николас не мужчина моей мечты, не моя половинка. Его просто назначили мне в мужа, значит так тому и быть. Мне остается только смириться.

– Ну он хотя бы тебе нравится?

– Ретт, даже для друга это чересчур интимный вопрос, –

вздохнула я.

Он накрыл мои пальцы ладонью. Я ощущала каждую натруженную по молодости мозоль, каждый зарубцевавшийся порез.

– Ошибаешься. Со мной ты можешь говорить обо всем без утайки.

Его карие глаза лучились нежностью. С некоторых пор круг моих доверенных лиц сузился. Эскал значился первым в списке, Ноэми – второй. Мамы больше нет рядом, а с отцом не поделишься чем-то действительно важным. Однако Ретт прав... ему можно доверять.

– Не знаю, как сформулировать... С детства я знала о своем предназначении и обязательствах, которые оно накладывает, и сейчас пытаюсь с честью принять неизбежное. Влюблена ли я? Определенно нет. Однако многие браки заключаются не по любви. Ее заменяет уважение.

– А ты его уважаешь?

Я сглотнула. Ретт, по обыкновению, зрил в корень.

– Анника, одумайся!

У меня вырвался вымученный, безрадостный смешок.

– Уверяю, мы испробовали все средства. Если принц с принцессой не в силах повлиять на ситуацию, библиотекарю ее точно не исправить. – Это был удар ниже пояса. Никогда бы не опустилась до такого, не будь так черно на душе. – Извини! Если хочешь помочь, просто поддержи. Друзья мне сейчас необходимы. Я стараюсь найти в происходящем свет-

люю сторону, и дружеская поддержка совсем не помешает.

Ретт уставился в пол:

– Ну... у твоего избранника завидная осанка. Захочешь подпереть дверь – никакая палка не понадобится.

Я хрюкнула от смеха, Ретт расхохотался, а вслед за ним засмеялась и я – искренне, по-настоящему.

– Вот ты и помог. Взбодрил.

– Анника, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Я посмотрела в его ласковые карие глаза. Хорошо, когда есть на кого положиться.

Внезапно Ретт обхватил мое лицо ладонями и впился губами в мои губы.

Я подскочила, выронила замък:

– Что на тебя нашло?!

– Не могу больше скрывать свои чувства. Уверен, ты испытываешь то же самое.

– Спятил?! – Дрожащей рукой я вытерла рот. – А если бы нас застукали? Ты хоть представляешь, какие будут последствия? Причем для тебя они окажутся катастрофическими.

Он поднялся, стиснул мои пальцы:

– В твоей власти этого не допустить.

– О чем ты?

– Бежим вместе. – (Мои плечи поникли.) – Ты говорила, что ищешь любви, чуждой доводам рассудка. Так не отказывайся от нее.

Совершенно сбита с толку, я помотала головой. Столько

лет ничего не замечать... Уму непостижимо!

– Извини, не могу.

– Очень даже можешь. Смотри, прямо сейчас отправляешься к себе, собираешь все драгоценности. А я обчищаю все карманы отсюда до границы. За пределами Кадира тебя даже не опознают. Построим дом, я найду работу. Все получится.

– Ретт, перестань нести чепуху!

– Это не чепуха! – пылко заверил он. – Соглашайся, Анника. Вместе мы обретем свободу.

На секунду мной овладело искушение. Заманчиво оседлать самых быстрых лошадей и умчаться прочь. Пока все празднуют, нас не хватятся до утра. Ретт прав, разоблачения можно не бояться. Последние три года я не появлялась за пределами столицы и практически не выходила из замка. Без развевающегося знамени никто не догадается, что в моих венах течет королевская кровь.

При желании исчезнуть не составит труда.

– Ретт...

– Я не тороплю тебя с ответом. Подумай. Если решишься, я увезу тебя далеко-далеко и буду любить до конца дней.

Леннокс

Весь день я рвал и метал. Столько планов, надежд, а в итоге меня обрекают на заведомо провальную вылазку! И отказаться нельзя, иначе пятно ляжет на мою репутацию. К вечеру гнев слегка поутих, вернулась способность думать связно. Я велел новобранцам разыскать пятерых человек, выделенных мне Каваном, и теперь поджидал их на краю поля, подалее от посторонних глаз и ушей.

Иниго с Гриффином явились вместе, за их спинами маячила белокурая шевелюра Блайз. Услышав ее имя из уст Ка-

вана, я вспылел, но, справедливости ради, Блайз отличалась быстротой. Быстротой и проворством. Наверняка и у Гриффина имелись скрытые, пока не обнаруженные мной достоинства. А Иниго, при всей моей антипатии к нему, превосходно владел мечом. Да и кулаками тоже.

– В честь чего сбор? – с места в карьер начал Иниго.

– Ждем еще двоих. Они уже на подходе.

Гриффин с Иниго обернулись, глядя поверх плеча Блайз. Проследив за их взглядом, она различила позади две фигуры в серых одеяниях. Облокотившись о валун, Блайз кивком поприветствовала Гриффина и Иниго, а после уставилась на меня.

– Вы хотели меня видеть? – взволнованно осведомился подошедший Андрэ.

– Да. А ты, стало быть, Шервин? – спросил я у коренастого паренька, застывшего по стойке смирно.

– Да. Сэр. То есть да, сэр.

Я вздохнул, скрестил руки на груди:

– Поздравляю. Каван определил вас мне в напарники.

– В смысле – определил? – встрепенулся Иниго. – Это же против правил.

– Мне ли не знать. Но случилось так, как случилось. Очевидно, я должен не только доказать свою преданность, но и проявить лидерские качества.

– Погоди, – после паузы произнес Иниго. – После всего ты еще должен что-то доказывать?

Впервые он оценил длинный перечень моих заслуг. Вернее, не впервые, а первым.

Я выразительно развел руками:

– Как видишь.

Иниго устался себе под ноги, лихорадочно соображая. Судя по взгляду, он пришел к тому же выводу, что и я после беседы с Каваном.

– Да, – озвучил я, – это ловушка.

– Почему ты такой пессимист? – удивился вечно улыбающийся Гриффин.

– Пошевели мозгами, – без иронии заговорил Иниго, глядя на товарища в упор. – Обычно следующее Задание назначают не раньше чем через месяц, а тебя вдруг посылают на него сразу после Олдрика. Ясно как день, что затмить его триумф будет непросто. Более того, тебе не разрешают ни набрать собственную команду, ни толком подготовиться. Кавану не нужны твои победы, – повернувшись ко мне, заключил он. – Ему нужен твой позор.

Я одобрительно кивнул:

– Так и есть. Шервин, до сегодняшнего дня я даже не подозревал о твоём существовании. Андрэ, Блайз, у меня лишь смутное представление о ваших талантах. Следовательно, особой надежды на вас нет. Гриффин, мне сложно воспринимать тебя всерьез, потому что ты сам воспринимаешь все легкомысленно. Ну а ты, Иниго... Не секрет, что мы не питаем друг к другу теплых чувств.

– Это верно, – ухмыльнулся Иниго. – Я скорее сброшу тебя с горы Говатар, чем буду исполнять твои приказы.

– Взаимно. Поэтому вас и выбрали. Все вместе мы обречены на неминуемый провал.

Воцарилась мертвая тишина – безмолвная панихида по моим почившим мечтам.

Затянувшееся молчание нарушила Блайз:

– Не хочу тебя расстраивать, но мне неизвестно, что такое провал. – Последнее слово она произнесла с нескрываемым отвращением.

– Лучше и не скажешь, – хохотнул Иниго и быстро добавил: – С луком и стрелами Блайз управляется отменно, а что касается упрямства... ну... тут она любому даст фору.

Блайз потупилась:

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

– А я отнюдь не легкомысленный, – плаксиво протянул Гриффин, и все засмеялись. – Ну правда!

– У тебя одни шуточки на уме, – буркнул я. – Вечно строишь глазки, валяешь дурака.

Гриффин пожал плечами:

– А почему нет? Не прозябать же в беспросветном унынии, коего у нас в избытке.

Тут не поспоришь. Ладно. Блайз – несравненная лучница и быстрая. Гриффин... если закрыть глаза на его балагурство, в рукопашном бою он весьма неплох. Иниго? При

должном старании ему все по плечу.

Мой взгляд метнулся к Шервину.

– Ну а ты чем похващаешь?

– Я с утра до вечера тружусь на полях. Но если выдается минутка, занимаюсь с Иниго.

Я вопросительно глянул на Иниго.

– У него неплохие задатки владения мечом. А вот для стрельбы из лука не хватает сноровки. Что касается Ан-дрэ... – Иниго посмотрел на товарища. – Верхом он управ-ляется с мечом гораздо лучше, чем на земле. Настоящий та-лант.

Хм... Похоже, Каван и не подозревает, какой самородок завелся в его рядах, иначе не отправил бы его со мной.

Оставался Иниго. Решающее слово за ним.

– Поражения я не допущу, – отчеканил он. – Но не ради тебя, а ради себя.

– Хоть так, – откликнулся я. – Я возлагал на Задание огромные надежды, разработал блестящий план, но им при-дется пожертвовать ради более приземленной, достижимой цели. Риск меньше, а барыш колоссальный.

– Лучше, чем новые рекруты? – оживился Шервин.

– Да.

– Лучше, чем шесть коров? – ввернул Гриффин, и все за-хихикали.

К своему удивлению, даже я улыбнулся:

– Определенно.

– И что же это? – прищурилась Блайз.

Я перевел дух, размышляя о той единственной вещи, которой нам так недоставало.

– Надежда.

Анника

У Эскала был свой, особый стук. Поразительно, как короткая дробь способна поднять, казалось бы, безнадежно испорченное настроение.

Расплывшись в улыбке, Ноэми бросилась открывать. Я осталась сидеть у окна с круглыми пальцами в руках.

– Ты почему здесь? Как же поиски сокровищ? – Я заговорщически подмигнула.

В прошлом году Эскал умудрился собрать добрую половину камней, после чего с двадцать ребятишек повисли на

нем гроздьями в попытке отобрать трофеи.

– Они давно закончились. Сохранил ли я звание лучшего кладоискателя? Безусловно. Вот только моя сестра не явилась к столу, и я решил, что неплохо бы ей подкрепиться. Для вас, мисс. – Эскал вручил Ноэми огромный ломоть хлеба с изюмом.

Та просияла, словно солнце выглянуло из-за туч:

– Благодарю, ваше высочество.

– Пустяки. Чем богаты. А это для моей любимой сестренки. Еще теплые. – Он положил мою долю угощения на подоконник, поскольку руки у меня были заняты пальцами.

– А зачем ты спускался на кухню? Тоже пропустил праздничный ужин?

Эскал плюхнулся напротив и закатил глаза:

– Не пропустил, но потом еле унес ноги от Николаса. Он всю дорогу подсовывал мне чертежи укрепительных сооружений. Кузен изучил обстановку на границе и теперь собирается возвести там наблюдательные посты.

– Хм... А нужно ли?

– Понятия не имею. Где мой шедевр?

– В корзинке.

Эскал выудил свое рукоделие из плетеной корзинки и удобнее устроился на каменной скамье под окном. Нас готовили к совершенно разной жизни, однако мы делились друг с другом полученными навыками.

– У вас отлично выходит, ваше высочество, – похвалила

Ноэми.

Эскал опустил пальцы и глянул на нее с обожанием:

– Спасибо, Ноэми. Хоть кто-то здесь оценил мой скромный талант.

– Не особенно радуйся, – поддразнила я. – Ноэми говорит так из вежливости, чтобы не обидеть будущего короля.

– Неправда! – притворно возмутился Эскал. – Ноэми, подтверди!

Она покачала головой:

– Я бы никогда не посмела оскорбить его высочество, но у меня нет привычки рассыпать пустые похвалы.

– Убедилась? – Эскал горделиво вздернул подбородок.

– Ой, угомонись уже! – проворчала я, подмигивая Ноэми.

Посмеиваясь про себя, Эскал принялся вышивать очередной круг на концентрическом узоре, выполненном разными стежками. Я больше тяготела к цветам и розовым оттенкам; брат – к симметрии и голубым тонам.

– У отца сегодня хороший день, – заметил он, не поднимая головы.

– Определенно. Я так хотела побыть с ним подольше, но... побоялась сорваться.

Эскал глянул на меня исподлобья:

– Поделишься?

– Не сейчас. Вдруг с моей стороны это обычное ребячество.

Брат с улыбкой покачал головой:

– Ребячество можешь отмести сразу. Согласиться на брак во благо своего королевства очень... благородный поступок.

– Да неужели! – фыркнула я.

– Анника, случись беда со мной или с отцом, Николас – первый кандидат на престол. Ваш союз исключит самую вероятность войны. При самом плохом раскладе трон останется за тобой как за супругой консорта. Понимаю, тебе нелегко, ведь он такой... такой...

– Знаю, – вздохнула я.

Для Николаса и впрямь трудно подобрать нужное слово. Скучный и строгий – слишком мягко, мерзкий – уже перебор. Но какое слово ни возьми, поводов для оптимизма оно не давало совершенно.

– Да, у него немало... недостатков. Но есть и достоинства, – поторопился утешить Эскал. – Он великолепный наездник и охотник. Неглуп. Сказочно богат, хотя для тебя это особой роли не играет.

– В нем нет ничего, что нравилось бы лично мне. Такого, от чего закипает кровь.

– Мм... – протянул Эскал.

– Как это понимать? – нахмурилась я.

Брат лукаво улыбнулся:

– Судя по пылким речам, кое у кого завелся фаворит.

– Да ну тебя!

– Анника, делись!

На мгновение мной овладело искушение рассказать про

Ретта. Его не заботил ни мой титул, ни мнение окружающих. Только моя любовь. Было в этом нечто притягательное... в чем бы я никогда не призналась вслух.

– Нечем. Если кто-то и завоюет мое сердце, ты узнаешь об этом раньше меня.

– Удивила! – хохотнул Эскал. – Ноэми, сколько раз она одолевала тебя рассказами про мальчика с яблоком?

– Я давно сбилась со счета! – откликнулась та из соседней комнаты.

– Для десяти лет это был довольно романтичный жест, – возразила я под залиvistый смех Эскала и, подавив тягостный вздох, продолжила: – Речь о другом. Просто у меня в голове сложился определенный идеал. И Николас не отвечает ему ни в коей мере. Остается надеяться лишь на теплоту и симпатию.

– Они возникнут, не сомневайся, – заверил Эскал после короткого замешательства. – Между родителями и вовсе вспыхнуло пламенное чувство.

– Интересно, они вообще когда-нибудь ссорились? – спросила я, оторвавшись от рукоделия. – Или их счастье было безоблачным?

– Ох... помню, однажды отец заболел. Смертельно. Ты была совсем крохой. И мама вызвалась ухаживать за ним самостоятельно. Не знаю, руководила ею любовь или чувство долга, но с тех пор их отношения вышли на совершенно иной, недоступный многим уровень. Отец буквально бо-

готовил ее.

– От Николаса такого вряд ли добьешься.

– А давай проверим! – оживился брат. – Дело за малым, надо просто его отравить.

– Эскал!

Подошедшая Ноэми хихикнула и встала рядом со мной. Моя рука обвилась вокруг ее талии.

– Ваше высочество, как не стыдно подбивать на преступление родную сестру! – в шутку укорила его Ноэми.

– Мы же понарошку, – успокоил Эскал, поворачиваясь ко мне. – Представь, он болеет, ты ставишь его на ноги – все, почитание у тебя в кармане.

– Дурацкая идея.

– А по-моему, замечательная. Ноэми, что скажешь?

– Скажу... – Ноэми вздохнула. – Жаль, что сестра не родилась вперед вас.

Я согнулась пополам от смеха. Эскал обиженно насупился. Ноэми погладила меня по спине и вернулась к своим обязанностям. Мы с Эскалом молчали добрый час. Как хорошо, что рядом с ним можно не заполнять пустоту словами.

Наконец терпение у брата лопнуло, он потер веки:

– Все, с меня довольно! Где твой меч?

– На месте.

Пошарив у меня под кроватью, Эскал достал клинок. После того как я нечаянно полоснула его по предплечью, мы завели правило: не тренироваться, предварительно не обер-

нув лезвие материей.

Никогда не спрашивала, откуда взялся меч. Либо достался мне по наследству от брата, либо он тайком распорядился выковать его специально для меня. Впрочем, обе версии мне нравились.

Меч описал широкую дугу и обрушился на витой столбик балдахина.

– Эй, поаккуратнее!

– До свадьбы заживет. Подъем! Пора заниматься.

Я отложила пальцы, сунула в рот солидный кусок хлеба и, жуя на ходу, направилась к брату.

– Прими стойку.

Я поставила ноги на ширину плеч, уперлась пятками в паркет.

– Неплохо. Теперь руки.

Я поднесла сжатые кулаки к подбородку.

– Не задирай плечи. Вот так, молодец. – Эскал протянул мне меч. – Твой черед.

Сделав глубокий вдох, я атаковала столбик. Моей задачей было не поразить его, а отработать силу удара, чтобы при желании разрубить балдахин пополам, силу и сноровку – чтобы этого не допустить.

Эскал терпеливо наблюдал за моими маневрами, исправлял ошибки, подбадривал. В какой-то момент я чересчур увлеклась и, вскрикнув от боли, схватилась за бедро. Меч со звоном покатился по полу.

– Анника!

– Госпожа! – Ноэми ринулась ко мне, но Эскал опередил ее, поднял меня на руки и бережно опустил на кровать.

– Ничего страшного, – заверила я. – Один порез никак не затянется.

Эскал устремил на меня ясный, доверчивый взгляд:

– Никогда бы не подумал, что он способен на такое даже в худший из своих дней...

У меня снова открылось кровотечение, и, несмотря на все старания, кровь просочилась на платье.

– Это верно... Но у меня был выбор: возненавидеть его на всю оставшуюся жизнь или смириться. Простить. – Я сокрушенно вздохнула. – Иди. Я в надежных руках.

Эскал обернулся к Ноэми. Та кивнула, как бы говоря, что позаботится обо мне. Боюсь представить, какая катастрофа разразится, изыщи наши недруги способ переманить Ноэми на свою сторону. Ведь ей известны все наши тайны.

– До завтра, – сочувственно кивнул брат. – Надеюсь увидеть тебя утром с улыбкой.

– Непременно захвачу ее, раз ты настаиваешь.

– Отлично. А то я истосковался по прежней Аннике.

Я изобразила на лице фальшиво-бодрую гримасу. Из головы не шли слова, сказанные накануне Эскалом: «Ты всегда можешь на меня положиться».

Леннокс

Меня разбудила Колючка. Вернувшись с охоты, она ткнулась носом мне в ухо и засопела.

– Совсем не вовремя, – буркнул я. – У меня трудный день. Надо хорошенько выспаться.

Колючка протяжно вздохнула.

– Ладно, твоя взяла. – Я почесал ей подбородок, сдул упавшую мне на глаза прядь. – Все равно пора вставать. Если повезет, скоро мы заживем по-другому. Уберемся наконец отсюда, – шепнул я то, о чем боялся даже помыслить про се-

бя. – Если повезет, слава обо мне прогремит на всю страну. Но! Для этого надо хорошенько подготовиться.

Я рывком поднялся, провел пальцами по лицу, окинул взглядом свое жилище. Собственно, моего тут было немного: лишь кое-какие уцелевшие артефакты напоминали о годах, проведенных мной в статусе сына знатного купца, пока к нам на порог не нагрязнул Каван. В углу, рядом с луком и колчаном стрел, пылилась гитара без единой струны. На письменном столе, возле стопки книг по звездной навигации, лежало скошенное каллиграфическое перо, хотя мои навыки каллиграфии, давно забытые за ненадобностью, оставляли желать лучшего. С краю примостился подаренный отцом телескоп с надтреснутыми после неудачного падения линзами. Прочее богатство составляла одежда разной степени чистоты. Однако я твердо верил: нельзя унывать, за свою жизнь стоит бороться, ведь впереди – великие свершения.

В узком окне темнело пасмурное небо. Набросив плащ и прицепив к поясу меч, я поспешил на ристалище. Мой отряд как раз выворачивал из-за угла. Соберись, Леннокс! Слишком многое поставлено на карту.

– На сегодня поступаете в мое распоряжение. К другим работам вас привлекать не будут. Самое главное сейчас – понять, на что вы способны. Утром каждому предстоит спарринг со мной или с Иниго.

Все, кроме Блайз, содрогнулись. Та и бровью не повела, словно ничего другого не ожидала.

– Но сперва хочу пояснить, почему так важно подготовиться к Заданию. – Я судорожно сглотнул. – Мы отправимся в Кадир и украдем их корону. Точнее, не украдем, а отнимем то, что принадлежит нам по праву. Мы возвратим *свою* корону. И доставим ее сюда.

Иниго и Блайз переглянулись. Шервин чуть не грохнулся в обморок. А Гриффин оглушительно захохотал.

– Мне нравится! – воскликнул он.

– Это самоубийство, – прищурился Иниго.

Я пожал плечами:

– Сидеть здесь, вечно прятаться на задворках тоже не жизнь. Не знаю как ты, но мне надоело ждать. Если дело выгорит, обитатели замка получают то, о чем раньше не смели и мечтать. То, с чем не сравнится никакая провизия, никакой скот, никакие рекруты. Если справимся, Каван увидит, что нам по силам отвоевать свое королевство.

– И как ты собираешься умыкнуть корону? – поинтересовалась Блайз. – Невозможно заявиться в Дарейн вот так, без армии.

– Ошибаешься. Задача трудная, но вполне осуществимая. Дважды ведь удавалось, – парировал я.

Блайз мои реплики не убедили.

– Даже если мы доберемся туда по старым картам и каким-то чудом проникнем в замок, никто не поднесет нам корону на блюдечке. Ее наверняка охраняют. На одни только поиски уйдет неделя.

– Мы смешаемся с толпой. Надо лишь разжиться приличным платьем из здешних закромов. Переоденемся, и никто не отличит нас от подданных. Разобьем лагерь в Дарейне, прокрадемся в замок и установим наблюдение. Королевские особы – народ ленивый, привычки менять не любят. Выяснить, где хранятся их регалии, не составит труда. Основная загвоздка в гвардейцах. Неизвестно, сколько их. Зараз я одолею четверых. Уверен, Иниго справится не хуже. – (Тот кивнул.) – Мне надо понять, на что годятся остальные. У нас нет права на ошибку.

– Смелый план, – протянул Гриффин.

– Смелый – еще мягко сказано, – съязвил Иниго.

– Маленькая загвоздка, – вздохнула Блайз. – Женское платье идет прямиком в шкаф твоей матери, минуя закрома.

– Все продумано. Вечером, когда все отправятся на ужин, я проберусь в ее комнату.

– А попросить нельзя? – предложил Шервин.

– Нет! – отрезал Иниго. – Если нас заранее обрекли на провал, просить бессмысленно. Сами возьмем все, что нужно, и еще немного сверх. Если вернемся с победой, никто нас и словом не упрекнет. А если нет... – Он покосился на меня.

– Никаких «если». Главное – набраться терпения и соблюдать осторожность, тогда корона у нас в кармане.

Блайз пнула деревянный борт:

– Хватит рассусоливать! За работу.

Забрав у Андрэ меч, она заняла позицию в центре риста-

лица.

– Я встану в пару с ней. А ты с Шервином, – объявил Иниго и, понизив голос, добавил: – Только не спеши. Пусть освоится. Паренек талантливый, но с ним нужен пряник, а не кнут.

– Спасибо, – кивнул я.

Иниго на секунду замешкался, точно слова жгли ему глотку, но в конце концов совладал с собой и процедил:

– Пожалуйста.

Он поспешил к Блайз. В напарники Андрэ достался Гриффин, а Шервин замер передо мной, как кролик перед удавом. С одной стороны, не бояться меня глупо, а с другой – воин никогда не должен показывать свой страх.

Я последовал совету Иниго, не стал распекать новичка.

Минут через пятнадцать выпады Шервина стали гораздо увереннее. Он стремительно нападал, ловко парировал. Взгляд приобрел остроту. Я увеличил напор, Шервин свирепо оборонялся. Неплохо, неплохо... В самый разгар тренировки он вдруг уставился мне за спину. Не утерпев, я обернулся узнать, в чем дело.

Иниго и Блайз демонстрировали высшую степень мастерства. От взмахов мечей рябило в глазах. Соперники двигались с потрясающей грацией, предугадывая каждый маневр друг друга, отчего все действие походило на танец. Я наблюдал за ними как зачарованный, опасаясь моргнуть, чтобы не упустить ни малейшей детали. После очередного точно на-

несенного удара Иниго поднял левую руку, Блайз отпрянула, будто перед новой атакой, и опустила меч.

Позади меня Гриффин с Андрэ заплодировали. Мгновение спустя к ним присоединился Шервин. Блайз с Иниго польщенно улыбнулись.

– Молодец, Блайз! Очень впечатляет! – похвалил я.

Она потупилась, убрала за ухо выбившуюся прядь и промолчала.

– Шервин, ты тоже приятно удивил. Единственный нюанс – долго запрягаешь. Доверься себе с самого начала. Ты справишься.

– Да, сэ, – отозвался тот.

– Гриффин, готов страдать? – окликнул я.

Гриффин широко расставил руки, точно хотел объять весь земной шар, и ухмыльнулся:

– К вашим услугам.

Все утро мы посвятили тренировкам, менялись партнерами, делились впечатлениями. К обеду я окончательно удостоверился, что Каван – глупец. Во-первых, имея в своем распоряжении таких самородков, он не сумел найти им применения. А во-вторых, доверил их мне.

Анника

Опустошенная, подавленная, я мечтала запереться в своих покоях, но сегодня среда, день, когда отец наставляет Эскала, а мне до смерти не хотелось пропускать урок.

У дверей библиотеки я встретила Ретта со стопкой книг под мышкой. Он поприветствовал меня обычной улыбкой и держался так, словно ничего не произошло. У меня же из головы не шел его поцелуй.

Впрочем, было чему изумляться. Ретт трудился в поте лица, чтобы достичь нынешнего положения. Любой другой от-

дал бы все... лишь бы оказаться на его месте.

А он намеревался пожертвовать с трудом добытыми благами ради меня.

О такой безрассудной, жертвенной любви писалось в книгах. Так почему я не готова ответить взаимностью? Если тебя любят так беззаветно, отказываться просто глупо.

– Ваше высочество, – вопреки обыкновению, поклонился Ретт, затворив за собой широкие двери. – Мне седлать лошадей? – За шутливым тоном скрывался отнюдь не шуточный подтекст.

– Не сейчас.

– Не сейчас... но скоро.

Меня даже позабавила его самоуверенность.

– Решил, что знаешь меня как облупленную?

Он расправил плечи, переложил книги в другую руку:

– А ты сомневаешься? Загибай пальцы. Ты предпочитаешь возиться с маленькими замками, питаешь непонятную слабость к корице. Твой любимый цвет, как ни странно, белый. Ты любишь дождь, но ненавидишь холод. – Он перевел дух и покачал головой, чем развеселил меня еще больше. – Далее. Твое любимое время суток – вечер. Ты ставишь интересы других превыше собственных. Главная твоя радость – провести целый день с книгой где-нибудь на солнечной полянке. Желательно в уединенной части сада.

Я прижала руку к груди:

– Там невероятно красиво! Прелестные цветы и гладкий

круглый камень, врытый в землю.

– Знаю, – кивнул Ретт. – Я вообще знаю о тебе все. Например, что ты жаждешь и заслуживаешь гораздо большего, чем это. – Он мотнул головой в сторону дверей и направился по своим делам.

Озадаченная, я переступила порог. Поверх низких стеллажей с книгами у входа я увидела отца и Эскала, сидевших за своим обычным столом. Но, к моему величайшему удивлению, Николас тоже был там.

Ты заслуживаешь большего. Да, определенно.

– Опаздываешь, – сухо обронил отец. – Сегодня речь пойдет о вас, будущих правителях Кадира. А ты опаздываешь!

С языка едва не сорвалось, что формально меня не приглашали. На занятия я ходила по настоянию Эскала, за компанию, а потом втянулась.

– Прошу прощения, ваше величество. Непременно исправлюсь, – заверила я, опускаясь на скамью.

Когда отец в таком настроении, с ним лучше не связываться.

Перед ним лежало несколько книг. Огромный фолиант был раскрыт на странице с картой всего континента. Четкие линии границ пересекались, а кое-где даже обозначались тонкими полосками рек. К северу, за небольшим морем, торчал клочок наших земель, именуемый просто Остров. Горные хребты, океаны, бескрайние равнины... ничего необычного. Но были на карте два слова, от которых у меня в бук-

вальном смысле шел мороз по коже.

Два слова, обозначающие территорию за пределами Стратфела, Рошмара и Дукана: «Незанятые земли».

Много лет назад некий человек пытался убить моего отца. Долгие годы я верила, что убийца был родом с Незанятых земель. Верила, что именно там прячут маму, если она еще жива. Расстояние до тех земель невелико – опытный наездник преодолет его за двое с половиной суток, но границу надежно охранял лес, настолько густой и жуткий, что до сих пор пересечь его не удавалось никому. Оставался морской путь, но юго-восточное побережье щетинилось острыми скалами. Корабль, посланный нами на поиски мамы, потерпел крушение, а единственный уцелевший член экипажа вернулся пешком.

Отец прочистил горло, строго глянул на нас:

– Вы трое – будущее нашего королевства. Но прежде чем думать о будущем, нужно основательно усвоить уроки прошлого.

Он раскрыл заложенную лентой книгу и поместил ее поверх фолианта. Нашему взору предстал Кадир. Только в то время никакого Кадира не существовало.

Полтора века назад на безымянной территории правили шесть кланов – Йеонил, Сайрус, Краусиа, Этеш, Оброн-Тайн, Страстайн, – объединенных языком и разделенных алчностью. Каждый из шести любой ценой пытался отвоевать лишний клочок здешней благодатной и плодородной

почвы. Однако кланы дорого заплатили за раскол. Зажатые между океаном и Киалендом с Монриа, которые всячески старались отеснить нас к воде, мы оказались на грани катастрофы. После десятилетий ожесточенных боев, отнятых земель, погубленных жизней шесть кланов решили объединиться под общей эгидой. Моего четырежды прадеда избрали правителем нового государства. Наш клан, именуемый в ту пору Йеонилом, сменил название на Кадир – в честь легендарной воительницы, известной своим бесстрашием и отвагой. В летописях она не упоминалась, поэтому ее подвиги и биография так и остались тайной, однако ее имя сплотило шесть кланов, которые отреклись от прежних названий в пользу нового.

После распределения обязанностей и подданных, после формирования единой армии и тщательного планирования новоиспеченный Кадир предпринял атаку на Киаленд. В результате враг не только отступил, но и лишился части территорий. Прознав о нашем триумфе, Монриа поспешила заключить с нами мирный договор. Из присланного ею в знак добрых намерений золота изготовлена корона, которую ношу я.

Лидеры других кланов неоднократно заявляли о притязаниях на престол, оправдываясь более знатным и благородным происхождением. Однако мы уже научились давать достойный отпор, и те, кто отказывался покориться, были преданы земле. Шли годы, правители мятежных кланов уми-

рали, их потомки роднились с отпрысками королевской династии. Сохранились лишь две противоборствующие ветви: одну представляли мы с Эскалом, вторую – Николас. Брак с ним окончательно закрепит наше право на престол. Воцарится полный, нерушимый мир.

Мы уставились на поблекшие строки, росчерки пера, напоминавшие о былой вражде. У отца был талант доносить свою мысль внятно и доходчиво.

– Вчера мы праздновали День основания. А завтра объявим о помолвке Анники и Николаса. Семь поколений спустя Кадир наконец станет по-настоящему единым государством. Нашим предкам такое и не снилось. – Отец сглотнул, обвел нас пристальным взглядом и пододвинул к себе фолиант с картой всего континента. – Вот почему так важно действовать сообща. Вы послужите для королевства примером согласия и единства. Разумеется, на вашем пути возникнут препятствия. Главное – не поддаваться тем, кто попытается употребить вашу благосклонность в собственных корыстных целях... Когда ваша мама пропала без вести... – Отец немного помолчал и, собравшись с силами, продолжил: – Мы ни секунды не сомневались, что это происки соседней страны, задумавшей подорвать достигнутый с таким трудом мир. Скажу прямо: я подозревал, что за ее похищением стоят твои люди, Николас. – Отец одну за другой озвучивал доселе неведомые мне версии; оставалось только гадать, имели они под собой веские основания или были плодом его фан-

тазии. – За несколько месяцев до ее пропажи Яго чуть не лишил меня жизни... Убийцу наверняка подослали. Некий король, жаждущий моей смерти. Все они мечтают заполучить Кадир. Спят и видят. – Его расширившиеся глаза смотрели в пустоту. – Яго... действовал по чьей-то указке. Его наняли. Нутром чую. Но покушение сорвалось, и тогда они похитили вашу маму, чтобы сломить меня окончательно.

Я не признавалась, но такими речами отец пугал меня до смерти.

В памяти всплыла ночь покушения. Под покровом темноты убийца проник в королевские покои. Мамин крик разбудил отца и поднял на ноги всю гвардию. Секунды промедления могли стоить родителям жизни. Вскоре после этого мама исчезла, и отец счел, что между обоими происшествиями есть связь. Но наверняка сказать трудно. Не было ни требований выкупа, ни прощальной записки, никаких следов борьбы. Мама словно растворилась в воздухе. Однако я твердо знала: она никогда бы не покинула меня по собственной воле.

– Отныне нас не сломить, не застать врасплох, – отчеканил отец. – Рано или поздно мы выясним имя виновника, и справедливость восторжествует, но до тех пор мы будем являть эталонный образец королевской семьи. Эскал, ты должен со всей тщательностью подойти к выбору невесты. Каждая принцесса обладает рядом достоинств, однако грамотный союз упрочит наше положение. Анника, после венчания

вы с Николасом отправитесь в королевское турне, посетите в качестве супружеской пары соседствующих монархов. Но прежде вам необходимо ознакомиться с этикетом Кейпора, Сибрала, Монриа, Халсгара и Киаленда. Эти пять – обязательный минимум.

Я кивнула, зная, что в данном вопросе могу всецело положиться на Ретта.

– Мы пригласим правителей пяти королевств сюда, верно? – с оскорбленным видом уточнил Николас. – Разве не они должны почтить визитом новобрачных?

Мы с Эскалом переглянулись.

– По протоколу молодые сами наносят визит, чтобы не утруждать старшее поколение, – ответила я.

– Как угодно, – недовольно отозвался Николас. – Мы закончили?

Мы снова переглянулись. Каков наглец!

– На сегодня да, – кивнул отец.

Николас повернулся ко мне, но Эскал отреагировал молниеносно:

– Не считите за дерзость, но, если вы оба не возражаете, я бы хотел ненадолго похитить свою сестру. По личному вопросу.

Не дожидаясь ответа, я взяла Эскала под руку и проследовала за ним в противоположную часть замка. Куда угодно, лишь бы подальше от Николаса.

– Ты в порядке?

– Да, – вяло кивнула я. – Только противоречия одолевают. Вроде бы поступаю правильно, а на душе все равно паршиво. – Какое-то время мы шли молча, пока я не спохватилась: – Вот глупая! О чем ты хотел поговорить?

– О деле чрезвычайной важности... Мой любимый цвет – синий.

– И только? – Я закатила глаза.

– Вообще-то, меня беспокоит твоя нога. Вчера ты меня здорово напугала.

– Все хорошо, – заверила я. – Еще побаливает, но не кровоточит. Терпимо.

– Да ну? И когда у нас следующий урок?

– Вечером! Только тренироваться будем на конюшнях, а не в моих покоях, где не развернуться.

– Мне больше по вкусу твоя комната.

– Там не пошумишь. – (Эскал фыркнул.) – Ну пожалуйста! – Я потянула его за рукав, как в детстве.

– Хм... и ты еще в чем-то упрекаешь Николаса? Ладно, пусть будут конюшни.

– Я знала, что ты меня любишь.

Брат поцеловал меня в лоб:

– Разве можно тебя не любить?

Леннокс

За главным столом моя мать сидела рядом с Каваном, прильнув к нему и ласково теребя ворот его рубашки. Каван улыбался и что-то говорил ей вполголоса. Меня аж передернуло!

С порога я поочередно оглядел свой отряд. Иниго с Грифффином сидели за одним столом, но по разные стороны. Кинтон – тот самый парнишка, который на весь обеденный зал вопил о возвращении Олдрика, – изводил Андрэ вопросами о моем Задании, что было нам очень на руку. Шервин ужинал в одиночестве, полагаю, по заведенной традиции, но на-

верняка не скажешь, ведь вплоть до вчерашнего дня я даже не подозревал о его существовании. Блайз делила трапезу с компанией девушек, знакомых мне по виду, но не по именам.

План был прост. Я поднимаюсь в покои матери и краду платье. Если по какой-то причине мать или Каван встанут из-за стола, Иниго с Гриффином затеют драку. Разумеется, Каван не станет их разнимать, чтобы те нанесли друг другу увечья, но с удовольствием понаблюдает. Если и это не привлечет его внимания, в игру вступит Блайз. Не знаю, кто отважится принять ее вызов, но этот человек заранее внушал мне уважение.

Убедившись, что мать с Каваном заняты едой, я взлетел на третий этаж, встретив лишь горстку опоздавших к ужину. Пока все шло даже слишком гладко.

Как и предполагалось, комната матери пустовала. Всякий раз, переступая порог ее покоев, мной овладевали разрозненные воспоминания. Когда-то здесь обитали трое. Угол, где прежде стояла моя кровать, превратился в обитель тщеславия. В кокетливом убранстве явно угадывалась женская рука, все следы присутствия моего отца исчезли.

На мгновение я застыл, перевел дух. Почему она так быстро забыла отца? Почему не гнушалась жить в роскоши, пока остальные в поте лица трудились и готовились к войне? Почему позволяла Кавану обращаться с единственным сыном как со скотом?

За этими вопросами нахлынули другие. Почему я должен

выполнять за Кавана всю грязную работу? Почему он вечно всем недоволен? Почему меня обрекли на столь убогое существование?

Я ненавидел все. Ненавидел замок. Ненавидел судьбу. Ненавидел себя.

После минутной слабости вокруг сердца вновь выросли возведенные мной стены, надежно защищавшие меня от окружающей несправедливости.

Шкаф располагался в дальнем углу. Я направился туда, стараясь не задеть ничего по пути.

Распахнув дверцы, я внезапно понял свою ошибку: откуда мне знать, как одеваются нынче светские дамы? А если наша миссия растянется на несколько дней, хватит ли одного наряда? Вдруг отсутствие у меня вкуса загубит все дело?

Сглотнув, я принялся изучать содержимое шкафа. Блайз – блондинка. Светлые волосы хорошо сочетаются с голубым. Или зеленым.

Ведь так?

Я вытащил по одному каждого цвета, скатал их и засунул в заплечный мешок. Убедившись, что в шкафу все осталось по-прежнему, я закрыл дверцы.

После чего опрометью бросился в коридор, сбежал по шаткой лестнице, чудом не споткнувшись о болтающийся камень. Колючка ждала меня в комнате, горделиво устроившись в изножье сдохшей мышью в лапах.

Колючка безошибочно угадывала мое настроение и, почу-

яв тревогу или печаль, объявлялась с угощением. Она ткнула добычу носом и посмотрела на меня.

Вздохнув, я поднял мышиный трупик, спрятал его в карман, чтобы не обидеть охотницу, и почесал ее за ухом.

– Спасибо. Хорошая девочка. Только не вздумай это трогать. Иначе у меня будут крупные неприятности. – Я запихнул мешок под кровать. Только бы не сильно помялись! – А впрочем... Случались у меня неприятности и похуже. Чихать я на них хотел! И на тебя тоже. – Я снова поскреб ей макушку. – Поэтому не строй напрасных иллюзий. – (Колючка не сводила с меня глаз.) – Seriously, не строй.

Колючка твякнула и выскочила в окно – утолить разгулявшийся аппетит.

Я со вздохом побрел обратно в столовую. На верхнем пролете остановился, выбросил дохлую мышь на улицу, вытер ладонь о штаны и поспешил к товарищам. Шервин по-прежнему коротал время в одиночестве. Блайз поймала мой взгляд и быстро отвернулась, Андрэ успел подсесть к Иниго с Грифффином.

– Готово... – шепнул я, поравнявшись с Иниго. – Один вопрос: ты что-нибудь смыслишь в женских нарядах?

Тот едва не поперхнулся и вытаращил глаза:

– Шутишь?

– Какое там!

Иниго запрокинул голову и оглушительно захохотал. Непривычный звук. Одинокий смешок еще куда ни шло, но

заливистый, безудержный хохот в этих стенах не слышали давно, а то и вовсе никогда.

Смех оказался заразительным, и я невольно улыбнулся. Покосившись назад, я увидел, что Блайз тоже расплылась в улыбке.

Странно, но на мгновение замок почудился мне не таким мрачным.

Анника

Растрепанная Ноэми выбралась из-под моих юбок.

– Ну как?

Я сделала шаг-другой:

– Великолепно! Ты просто гений! Спасибо.

Гордая собой, Ноэми выпрямилась. Идея с поясом и ее воплощение принадлежали ей. Теперь я могла носить меч под пышными юбками – и никто ничего не заподозрил бы.

– Вы надолго? – осведомилась Ноэми. – Что отвечать, если вас будут спрашивать?

На секунду я замешкалась. Вряд ли кто-нибудь хватится меня в такой час, но вдруг?.. Невесте не подобает шататься по замку без дела.

– Даже не знаю, Ноэми. Как-то не приходило в голову... Пожалуй, лучше все отменить. Обидно, но ничего не поделаешь.

Ноэми взяла меня за руку и притянула к себе:

– Не нужно ничего отменять. Я пойду с вами. Если будут вопросы, скажем, что вам наскучило сидеть в четырех стенах. Вот вы и решили прогуляться, а меня захватили в качестве дуэньи, – с нарочитой серьезностью добавила она, чем насмешила до слез.

– Не боишься, что тебя запишут в соучастницы моих преступлений?

– Думаю, я давно в этом списке.

Я со смехом стиснула ее руку:

– Даже не сомневайся! Никакое событие в моей жизни не ускользнет от твоего внимания. Кстати, тебя саму не тянет на приключения? Жду не дождусь стать поверенной твоих тайн.

Рука об руку мы вышли из спальни и направились к лестнице.

– Ваших тайн нам обеим хватит за глаза, – ловко увильнула от ответа Ноэми. – А хранить их я умею, будьте уверены. Могила!

Я горестно вздохнула:

– Если я решу бежать, ты меня осудишь?

Ноэми вздрогнула:

– Надеюсь, вы не решитесь... но в любом случае нет, осуждать не стану. Только прошу, предупредите заранее.

– Непременно... Ладно, не бери в голову. Я просто пошутила. Уже не знаю, как унять свои страхи. От статуса невесты ноги сами собой подкашиваются.

Ноэми помрачнела:

– Идемте, госпожа. Хотя бы сегодня повеселимся.

Спрятав лица под капюшонами плащей, мы спустились по лестнице. Легкие шаги Ноэми эхом вторили моим, и сердце наполнилось покоем. Очувтившись во дворе, я снова взяла Ноэми за руку:

– Пообещай мне кое-что.

– Можете на меня положиться, – заверила она.

– Я не намерена вечно держать тебя в горничных. Как только созреешь, выходи замуж, заводь семью. Приключения тебе не повредят, без шуток. Но, умоляю, не покидай меня сейчас!

– Никогда, госпожа. Никакие блага на свете не заменят мне вас. – Тон Ноэми не оставлял ни малейших сомнений в ее искренности и был как бальзам на душу.

Переступив порог конюшни, мы увидели наших кавалеров, оживленно беседующих в уголке. Улыбающийся Эскал что-то втолковывал довольному Ретту. Тот выудил из кармана монетку и вручил ее Грейсону, юному груму: мол, иди

погуляй.

Ретт заметил нас первым. Его глаза радостно вспыхнули. Как я умудрилась столько лет ничего не замечать? Принимать вожделение во взгляде за банальную вежливость? До сих пор не верилось, что весь этот пыл предназначался мне.

– Ноэми, вот так встреча! – Эскал расплылся в улыбке. – Надумала наконец помахать мечом?

– Ни в коем случае, ваше высочество. – Ноэми была сама любезность. – Я лишь обеспечиваю алиби госпоже.

Эскал со смехом покачал головой:

– Ты мне зубы не заговаривай. Бери мой меч и становись вот сюда. – Он подвел ее к открытому стойлу. – Только аккуратнее, не покалечь, как моя неуклюжая сестрица.

Ретт встал рядом со мной. Я ощутила на себе его пристальный – чересчур пристальный – взгляд. Собравшись с духом, я посмотрела на него в упор.

– Выходи за меня, – с мольбой прошептал он. – Я боготворю тебя, Анника, и сделаю все, лишь бы ты была счастлива. Эскал возражать не станет, – проникновенно добавил Ретт. – Он ненавидит Николаса.

Я вздернула подбородок:

– Ненавидеть Николаса еще не означает одобрять наш побег. Тем более ненависть Николас внушает всем подряд.

– Это верно. У меня от него аж скулы сводит, – хохотнул Ретт и непринужденно улыбнулся. – Когда объявят о вашей помолвке?

– Боюсь, уже завтра. Не мне решать. Это право я, к сожалению, утратила.

– Надеюсь, ты вернешь его себе и сделаешь правильный выбор. Только скажи, и я исполню любой твой каприз.

Я расправила плечи:

– Любой? Тогда прекрати наседавать. Лучше помоги отвлечься. В последние дни и так голова кругом.

– Слушаюсь и повинуюсь. – Ретт лукаво подмигнул, однако просьбу воспринял совершенно серьезно.

Разумеется, он не станет играть в поддавки – не его стиль, – но их с Эскалом роднило одно: оба скорее умерли бы, чем причинили мне боль.

Я вытащила меч и вытянула его вперед, чтобы держать Ретта на расстоянии. Лязгнула сталь, я отступила, готовая парировать. Ретт одобрительно кивнул, занял позицию напротив.

– Анника, сильно не напирай! – окликнул из стойла Эскал. Ему вторил звонкий смех Ноэми.

– Размечтался!

Под звон клинков мы кружили в волнующем, завораживающем танце. Знакомая со стратегией и стилем Ретта, я импровизировала, рисковала. Отразив прямую атаку, я с силой обрушила свой вес на рукоять меча противника и надавила... Меч выскользнул у Ретта из рук и, описав в воздухе дугу, рухнул на кучу соломы.

Воцарилась мертвая тишина. Присутствующие не своди-

ли с меня восхищенных глаз. Эскал выразил всеобщий восторг воплем:

– Анника! Ты выбила у него меч!

Я уронила свой и состроила покаянную гримасу. До сих пор мне не удавалось никого разоружить.

– Молодец, Анника! – похвалил Ретт.

Эскал подскочил ко мне, поднял на руки и закружил:

– Решено! Вот стану королем и назначу тебя командующей гвардией.

– Сама не верю, что получилось! – Меня переполняла гордость и вера в себя, в собственные силы.

Если я преуспела там, где слабый пол обычно терпит поражение, как знать, вдруг мне по плечу поистине великие свершения?..

Леннокс

Я собственноручно приладил к двери засов. Штырь, продетый между двумя металлическими кольцами, не давал ей открыться даже при поднятой щеколде. При всей незамысловатости и топорности это был шаг вперед по сравнению с тем, что имели прочие обитатели замка.

Закрывшись в комнате, я ждал остальных и перебирал в уме план действий. Вечером нужно приступить к сборам.

В нашем распоряжении имелись лишь старые карты. Редкий смельчак отваживался забрести так далеко на запад. Од-

нако при должной смекалке мы доберемся до Дарейна, или, как его сейчас именуют, Кадира. Главное – не терять бдительности.

О Кадире я знал немного. Знал, что там правит король, что он сидит в большом дворце, который должен принадлежать Кавану. Судя по скудным картам, я знал, что Кадир – крупнейшее королевство на всем континенте. А тамошний народ отнял все у моего народа.

В дверь постучали. Я поднял щеколду и посторонился, пропуская в комнату Иниго, Шервина, Андрэ, Гриффина и Блайз.

– Извини, что посмеялся над тобой, – с порога начал Иниго. – Но согласишься, было смешно.

– Не спорю, – вздохнул я. – Одежду мне достали?

– Само собой, – отозвался Гриффин. – И спрятали в надежном месте. Сюда тащить не рискнули.

– Здравая мысль. Блайз, взгляни. Годится? – почесав в затылке, я извлек из-под кровати мешок.

Она вытряхнула платье, приложила к себе.

– В самый раз, – объявила Блайз. – А ты чего так всполошился?

Я выпрямился, прочистил горло и одернул камзол:

– Я мало смыслю в женских нарядах.

Она пощупала материю, разгладила складки на талии:

– Не волнуйся. Я еще не научилась держаться как леда.

В ее голосе звучала тоска. Однако меня сейчас волновало

другое.

– Выступаем завтра утром. Захватите палатки и мечи из арсенала. Нам предстоит долгий переход через лес. Неизвестно, насколько он затянется, поэтому основательно запаситесь провиантом. – Сглотнув, я затронул острый вопрос, которого совсем не хотел касаться. – Уверен, вы понимаете всю опасность нашего предприятия. Если кто-то из вас попадет в плен, нельзя допустить утечки информации. Лучше умереть, чем предать целую армию. Если вам такое не по зубам, еще не поздно отказаться.

Шервин содрогнулся, но тут же спохватился и выпрямился во весь свой невеликий рост. Но все равно смотрелось внушительно. Андрэ только хмыкнул. Взгляд у Гриффина остекленел, однако кивок вышел твердым и убедительным. Иниго равнодушно пожал плечами, а Блайз, не выпуская из рук наряды, вздернула подбородок:

– Я уже говорила, мне неизвестно поражение.

Мне стоило немалых трудов подавить улыбку.

– Отлично! А теперь спать. Встречаемся на конюшне после завтрака.

– Кыш! – Гриффин подскочил к окну. – Извини. Мне показалось, сюда лезет какой-то зверь. Тебе бы заколотить проем.

Я высунулся наружу в надежде, что Колючка укрылась неподалеку. Объяснить ее появление в комнате будет непросто.

– Спасибо за совет. До завтра.

Проводив отряд, я устался в окно, поджидая Колючку. Горько осознавать, но, если мне не суждено вернуться, она единственная огорчится из-за моего отсутствия.

* * *

Теплый ветер ласкал мне лицо. В воздухе разливался упоительный аромат печеных яблок. Вокруг простирался незнакомый пейзаж. Взгляд шарил по сторонам в поисках ориентира, но тщетно. Ни гор, ни свирепого океана, ни ветхого замка. Только высокая трава колыхалась от каждого дуновения. На линии горизонта земля сливалась в поцелуе с предзакатным небом, от красоты которого захватывало дух. Зрелище так разительно отличалось от всего виденного мной ранее, что я не утерпел и коснулся неба рукой.

Мои пальцы оставили чернильные разводы. Уподобившись каллиграфическому перу, я начертал среди облаков свое имя.

Леннокс.

К имени прилагалось еще кое-что, давно забытое за ненадобностью... Сейчас это не играло никакой роли. Отныне небосвод принадлежал мне.

Довольный, я устроился в траве, возвышавшейся вокруг меня зеленой стеной, и наблюдал за наступлением сумерек.

Я улыбался в кромешной тьме, окутанный теплым дыха-

нием ветра.

Кто-то дотронулся до моей щеки. В отличие от местности, прикосновение чудилось до боли знакомым, родным. И одновременно чужим.

– Вот и ты, – выдохнул я.

– Да, – шепнул голос.

– Останься. Без тебя так одиноко.

Молчание. Ласковая рука гладила меня по щеке, по волосам. На сердце воцарился покой, я будто сделался неосязаемым и вместе с тем по-настоящему зримым.

Умиротворение было таким, что на глаза навернулись слезы. Слезы осознания, что это всего лишь сон. Я не плакал. Душа давно задубела. Но очень хотелось.

Услышав мой всхлип, из темноты вынырнула Колючка и ткнулась носом мне в лицо.

– Где ты пропадала? Мне пригрезился восхитительный сон. – (Она тоненько твякнула.) – Нет, не про тебя. Но не волнуйся, скоро я добьюсь того, что принадлежит мне по праву, и заберу тебя. Скоро. Очень скоро.

Мрак за окном рассеивался, занимался рассвет. Чуткая, как все звери, Колючка пристроила мордочку на подушку и засопела.

– Почему ты всегда возвращаешься? – шептал я. – Почему не боишься меня? Ведь все вокруг боятся.

От Колючки веяло теплом. В небе гасли звезды. Конечно, все это не сравнить с ощущением покоя, дарованного мне

утешающей рукой... однако ничем лучшим я не располагал. По крайней мере, пока. Но близок тот час, когда мне не понадобится никакого утешения. Ни утешения, ни одобрения, ничего. И сегодня я сделаю первый шаг к заветной цели.

Анника

Наутро у меня немилосердно болели мышцы, зато внутри все ликовало.

– Ноэми? – сонно окликнула я, перекатившись на бок.

Вечно забываю, что теперь мне не обязательно спать на животе.

– Да, госпожа?

– Который час?

– Все уже позавтракали, но я принесла вам еду сюда. – Она кивнула на столик у нерастопленного камина. – Подумала,

что вам следует хорошенько отдохнуть.

– Ты ангел, Ноэми. Спасибо. – Я поднялась, ощущая приятную боль в конечностях.

Ноэми помогла мне облачиться в халат. Удобно устроившись в кресле, я поставила ногу на мягкую подушку и с аппетитом принялась за еду. Крошки сыпались мне на грудь, на рукава. Даже эта малая толика свободы вызывала улыбку. Проглотив очередной кусок, я блаженно вздохнула.

Стук в дверь заставил меня выпрямиться. Ноэми подскочила, помогла мне смахнуть крошки с моего лица, на ходу перекинула мои волосы через плечо и, быстро пригладив свои, пошла открывать.

– Герцог Канисский, ваше высочество, – объявила она, пропуская Николаса в комнату.

Увидев меня в халате, он смутился:

– Ох! Мне заглянуть позже?

– Нет, входи. У тебя ко мне дело?

– Вообще-то, да. Сегодня мой выбор пал на бледно-голубой камзол. Ты наверняка захочешь одеться в тон, верно?

Я всматривалась в него в надежде пробудить в сердце хоть какой-то отклик, но тщетно.

– Ноэми, у нас найдется подходящий наряд? – Я еще не закончила фразу, а верная Ноэми уже изучала содержимое гардероба.

– И не один, – откликнулась она, извлекая на свет два светло-голубых платья.

Но не успела я открыть рот, как Николас объявил:

– Левое будет тебе к лицу. Увидимся перед объявлением помолвки, верно?

Я изобразила светскую улыбку:

– Мы заранее соберемся в главном коридоре. Едва ли процедура выйдет за рамки стандартного появления на балконе.

– Хорошо, – кивнул Николас. – До встречи.

Он исчез так же быстро, как появился, однако за считанные минуты в его обществе мной овладел соблазн бежать с библиотекарем. Ретт позволит мне самой выбирать платья. Не упрекнет за распущенные волосы. Ретт не только разрешит мне носить меч, но и улыбнется, случись мне обезоружить его...

Дыхание внезапно перехватило. Возникло гнетущее чувство, что стены смыкаются. Наверное, стыдно страдать клаустрофобией в огромном замке... однако внутренний голос твердил, что в лачуге на окраине Кадира мне дышалось бы куда вольготнее.

Грезы о новой жизни вытеснил облик брата. Искушение было слишком велико... но ради Эскала я твердо решила остаться.

Леннокс

Колючка не отставала от меня ни на шаг. Она явно нервничала, бодрствуя в неурочный для себя час. Такое случилось перед бурей, чье приближение она чужла звериным нюхом. Вопреки ее тревоге, день выдался на редкость погожим. Сквозь кучевые облака проглядывало солнце. Ничуть не успокоенная, Колючка увязалась за мной, пока я поднялся на холм к кладбищу.

Напрасно мы перевезли сюда останки отца. Образ его разлагающегося трупа до сих пор преследовал меня в кошма-

рах. А еще злорадство, вспыхнувшее в глазах Кавана при виде разрубленного пополам тела. Впрочем, все это меркло по сравнению с возможностью предать дорогого человека земле, а после навещать его могилу.

Далеко не все могли похвастаться такой роскошью.

После опознания тело отца доставили в замок и похоронили со всеми почестями. Он первым пал в войне за наше королевство, в войне, которой только предстояло начаться. По счастливому стечению обстоятельств отца погребли рядом с другой титулованной особой, чье влияние на ход нашей истории обеспечило ей достойное место на кладбище. Застав меня на погосте, люди думали, будто я разговариваю с отцом.

И глубоко заблуждались.

– Меня отправляют на Задание, – доверительно поведал я. – С личным отрядом и всем необходимым. Радуйся, на сей раз мне не придется никого убивать. Хотя... – Я вытер нос. – Обещать не могу. От убийств никто не застрахован, – отрешенно добавил я. – Мать любила тебя? Уверен, что да. Людей, выросших в любви, ни с кем не перепутаешь. Даже не знаю, испытывает ли моя мать ко мне хоть что-то. Хоть какие-то эмоции. Такое чувство, что я лишь очередное средство покрепче привязать к себе Кавана, чтобы стать королевой, когда он взойдет на престол. – Ветер разметал мне волосы, выбившиеся пряди упали на лоб. – Не тревожься, мы пощадим мирных жителей. Ты удивишься, но мне не чуждо

милосердие. – Я со вздохом обогнул могильный камень. – Понимаю, странно слышать такое от человека, чьи руки по локоть в крови. Тебе ли не знать о моих «подвигах».

Я уставился на безымянное надгробие. Отчасти справедливость восторжествовала. Если нас предали забвению, то чем *она* лучше?

– Больше мне сказать нечего. Теперь загляну только после Задания.

Вокруг бушевал пронизывающий ветер. Я изваянием застыл перед могилой человека, ставшего первым в длинной веренице убитых мной. Интересно, существует ли загробный мир, откуда души умерших смотрят на нас? Досадует ли отец, что я пренебрег его обществом? Не знаю, почему меня так тянуло к соседнему захоронению в шести шагах от его. Оставалось надеяться, что в ином мире, где нет ни вопросов, ни многословных ответов, отец все понимает – и не сердится.

Почувяв постороннего, Колючка юркнула в кусты.

– Леннокс? – окликнул с тропинки Иниго.

– Какие-то проблемы?

– Провианта у нас в обрез, а на кухне уперлись, лишнего не выдают.

– Разберемся. – Я на секунду замялся. – Иниго, а ты... помнишь моего отца? – Тот испуганно встрепенулся, и я поспешил исправить свою оплошность. – Не подумай, я его не забыл. Просто интересно узнать мнение со стороны.

Иниго понимающе кивнул:

– Мне он запомнился человеком решительным. В этом вы с ним похожи. И весьма неглупым. К нему обращались с самыми разными вопросами, и на каждый у него находился ответ. Может, не исчерпывающий, но как минимум толковый. Помню, как старик Тео свалился с лошади, а твой отец хохотал до слез. А смеялся он оглушительно, аж перепонки лопались.

Я улыбнулся. Да, отцовский смех был притчей во языцех. Громовой, раскатистый, второго такого нет.

– Спасибо, – шепнул я. – Пожалуй, нам пора.

– Золотые слова. – Иниго ткнул меня локтем в бок, и впервые за долгое время я почувствовал облегчение.

Анника

Я мерила шагами просторный зал, примыкавший к церемониальному балкону. Колокола трезвонили десять минут в честь официально объявленной помолвки. Под окнами собралась толпа, снизу доносились восторженные возгласы и овации. Народ ждал нашего появления.

– Все будет хорошо, – успокаивал меня Эскал, хотя его самого одолевала тревога.

– Не будет. По крайней мере, для меня. – Я говорила короткими, отрывистыми фразами, на большее элементарно не

хватало воздуха.

– Анника... ты так побледнела.

– Мне... мне... – Задыхаясь, я согнулась пополам и схватилась за стену.

– Анника? – Отец бросился ко мне через весь зал. – Что стряслось?

Я рухнула на колени и повалилась навзничь. Мраморный пол приятно охлаждал открытые участки кожи. В таком положении мне дышалось свободнее. Дело за малым – заставить легкие работать.

– А то ты не знаешь! – выпалил Эскал. – По твоей милости она корчится в судорогах. Должен быть иной способ! Разве можно обрекать родную дочь на страдание?!

– Сколько можно повторять: ты заключишь брак с принцессой заморских кровей, а Анника – с потомком некогда враждебного клана. Такой союз укрепит внутригосударственные связи и гарантирует мир, – отчеканил отец, разрываясь между двумя ипостасями, определявшими отныне мою судьбу.

– Наверняка есть третий вариант. Более щадящий, – не унимался Эскал.

– О помолвке уже объявлено. Народ ликует, – последовал безжалостный ответ.

Я сосредоточилась на дыхании. На счет «пять» вдох, на счет «десять» выдох. Все получится. Надо только постараться.

– Эскал, помоги. – Я вытянула руки.

Брат аккуратно поднял меня, одернул платье, расправил складки. Взбив примятые кудри, я перекинула их на грудь и покосилась на Эскала. Тот одобритительно кивнул.

– Что здесь происходит? – спросил внезапно появившийся Николас.

– Пустяки. Споткнулась.

– Споткнулась? С твоей-то грацией? – Поравнявшись со мной, Николас извлек из кармана коробочку. – Надеюсь, это облегчит боль падения.

В книгах герой всегда опускался на колено и трепетно брал возлюбленную за руку. Мне же просто всучили коробочку.

Я открыла ее. Внутри между синими бархатными подушечками переливалось кольцо с овальным зеленоватым камнем в обрамлении крохотных бриллиантов. Милая вещица, но совершенно не в моем вкусе.

– Очаровательно! – озвучил за меня отец.

– В самом деле. Спасибо. – Я надела кольцо на левую руку; чуть великовато, но соскользнуть не должно.

– Камень, как тебе известно, добывается... – Николас вдруг осекся и недовольно нахмурился. – Анника, мы же договаривались!

Еще не оправившись от панической атаки, я недоумевающе уставилась на него.

– Твоя прическа, – процедил он.

Я постаралась придать себе независимый вид:

– Если не ошибаюсь, наша договоренность вступает в силу после помолвки.

– Наша мать всегда носила распущенные волосы. – Эскал буквально цитировал слова, сказанные мной в День основания.

– Прекрасно понимаю ваши чувства, – сухо бросил Николас. – Однако Аннике пора взрослеть. Позовите ее горничную. Пусть явится немедленно!

Эскал расправил плечи, в голосе зазвучали грозные, неслыханные доселе ноты:

– Сэр, вы забываетесь! Не вам командовать мной. К вашему сведению, горничная ее высочества – доверенное лицо нашей семьи, и мы не станем отрывать ее от работы из-за ваших капризов. Наконец, Анника не связана с вами законными обязательствами и имеет полное право напоследок предстать перед публикой с прежней прической. – Задышавшись от праведного гнева, Эскал продолжил: – Вы глубоко заблуждаетесь, решив, что ваша кандидатура была единственной. Многие принцы добивались благосклонности Анники, но получили отказ, поскольку мы предпочли породниться с вашей семьей и тем самым обеспечить мир в стране. Но если вы намерены и дальше третировать мою сестру, помолвка будет расторгнута сию же секунду.

Николас повернулся к отцу, и затравленный взгляд выдал того с головой.

– Сомневаюсь. – Николас говорил без тени угрозы, просто констатировал факт. – Однако, чтобы загладить возникшее недоразумение, я согласен уступить. По крайней мере, сегодня. Ни к чему заставлять публику ждать. – Он поправил галстук и протянул мне руку. – Готова, душечка?

Душечка. Меня передернуло. Надеюсь, это не войдет у него в привычку.

Я искоса глянула на Эскала, готового вцепиться Николасу в глотку, и покорно шагнула к жениху:

– Конечно.

Отец подавленно молчал. В памяти всплыла история из детства. Напуганная байками Эскала о ведьмах и драконах, я категорически отказывалась идти на прогулку. Мама держала меня за руку, но впервые этого оказалось недостаточно. Тогда отец взял мой летний зонтик и принялся размахивать им, словно мечом. Он уверял, что это волшебная палочка, способная сразить любую ведьму и одолеть самого свирепого дракона. В тот день ему удалось развеять мои страхи.

Какая му́ка – видеть его, такого близкого и вместе с тем отстраненного. Какая му́ка наблюдать за его терзаниями, ловить на себе покаянный взгляд.

– Прости, Эвелина, – шепнул отец, но тут же исправился: – То есть... Анника.

Однако меня не покидало чувство, что извинения предназначались маме.

– Все хорошо, – понизив голос, слукавила я. – Правда.

Отец одернул сюртук. По протоколу король и принц первыми приветствуют толпу. Мы с Николасом замерли у порога, смиренно дожидаясь своей очереди.

– Король сегодня... не в лучшей форме, – заметил Николас, от которого не укрылась фальшивая улыбка будущего тестя.

– Ничего подобного, – возразила я. – Он просто огорчился из-за скандала.

Николас выпрямился, хотя при его осанке прямее уже некуда.

– Я не устраивал никаких скандалов.

Помахав счастливым подданным, отец с Эскалом расступились, и мы с Николасом шагнули на середину балкона. Я ненавязчиво продемонстрировала публике кольцо. Камень вспыхивал на солнце, подтверждая радостное известие о моей помолвке.

Ради своего народа я улыбалась. Улыбалась и изображала из себя счастливую невесту.

– Удавлю мерзавца, – шепнул Эскал, старательно растягивая губы в улыбке.

Я легонько покачала головой:

– Если тронешь его хотя бы пальцем, начнется гражданская война. Моя прическа того не стоит. За меня не волнуйся, перетерплю.

Такова отныне моя цель. Не радоваться. Не процветать. Терпеть.

Леннокс

В поясной сумке у меня неизменно хранились моток бечевки, батончик из овса и семян, прессованных в меду, складной нож для случаев, когда не годился меч, и пуговица от отцовского сюртука.

Собираясь на Задание, я сложил в заплечный мешок провиант, бурдюк с водой, жгуты, смену одежды и палатку. Сунул в седельную сумку лук со стрелами, хотя сам толком не понимал зачем. И захватил допотопные карты в надежде, что они выведут нас к цели.

Жаль, с собой не возьмешь холодный рассудок. План ошеломлял своей дерзостью. Однако если мне суждено преуспеть – доказать всем, что пробил час отвоевать наше королевство, – все горести, пережитые мной в Возино, окупятся с лихвой.

Блайз первой явилась в условленное место. Я вскочил на лошадь, готовый ехать, и она сделала то же самое.

– Иниго отправился за мечом. Гриффин вот-вот будет. Как только простится с дамой сердца.

– У него есть возлюбленная? – изумился я.

Блайз хитро улыбнулась:

– Помнишь, накануне я собиралась затеять драку в столовой, если маневр с Гриффином и Иниго не сработает? Его девушка и вызвалась мне помочь. Ее зовут Рами, и ради Гриффина она в лепешку расшибется.

Я ошарашенно натянул поводья, чтобы усмирить чересчур ретивого коня.

– И давно у них?

– С месяц. Рами была в числе тех, кто забрел в замок полгода назад. Припоминаешь?

Забудешь такое. Разношерстная группа из двадцати человек на многих произвела неизгладимое впечатление. За четверо суток скитаний по лесу половина не стояла на ногах и передвигалась ползком. Обогревшись и насытившись, они так самозабвенно присягнули на верность Кавану, что меня затошнило.

– Гриффин поделился с ней твоим грандиозным замыслом не уступать врагу ни пяди, и бедняжка рыдала всю ночь напролет.

– Он никогда о ней не рассказывал...

– Мы все здесь как на ладони... – Блайз пожала плечами. – Наверное, хотел сохранить тайну.

У меня вырвался горестный вздох. В очередной раз убеждаюсь, что от любви одни неприятности.

Иниго возник на пороге конюшни с двумя мечами под мышкой и мешком за спиной.

– Эй, – шепнул я, – ты в курсе про девушку Гриффина?

– Рами, – вздохнул Иниго. – Та еще штучка...

Выходит, знали все, кроме меня?

К нам уже направлялся Шервин, ведя лошадь под уздцы. В глаза сразу бросился его решительный, сосредоточенный вид. Неплохое начало. Он шел налегке, твердой поступью. Похоже, из него выйдет отменный солдат.

Подоспевший Андрэ был сама собранность и энтузиазм. Гриффин пришел последним. Старательно пряча заплаканное лицо за конской гривой, он сыпал шутками и прибаутками, зубоскалил. Увидев столь разительную перемену, я вдруг осознал, сколь отчаянно замок нуждается в людях вроде него.

Вроде моего отца. Способных рассеять мрак и снять гнетущее напряжение.

Иниго будто прочел мои мысли.

– Думаю, мы справимся и без него, – шепнул он.

Я молча кивнул. Каван вот-вот развяжет кровопролитную войну, где уцелеют немногие, но пока час не пробил, надо пользоваться отсрочкой.

– Гриффин...

– Да, сэр, – откликнулся тот, не поднимая головы.

– Ты остаешься. Каван переоценил масштаб моего Задания.

Гриффин судорожно сглотнул, однако проявил твердость:

– Леннокс, я еду. Все уже обговорено.

Я буравил его взглядом, вынуждая подчиниться. Гриффин упорствовал, не желая прослыть трусом. Как упорствовал бы всякий на его месте. Однако трусость была тут совершенно ни при чем.

Наконец он шумно выдохнул:

– Спасибо, Леннокс.

– Не стоит благодарности. Миссия тебе предстоит не из легких. Следи, чтобы в наше отсутствие здесь все не развалилось к чертям.

– Слушаюсь, сэр, – ухмыльнулся он.

– Вперед! – скомандовал я и пришпорил коня.

Надо убраться подальше отсюда, пока Каван не узнал, что мы выдвинулись не в полном составе. Убраться отсюда и подобраться ближе к Дарейну. Я задыхался в здешних краях, и каждая вылазка по ту сторону границы чудилась глотком свежего воздуха.

До самого трудного отрезка пути было рукой подать. Там, где заканчивались наши земли, темнела густая, но проходимая чаща. За ней вздымались и опадали волнами поля, поросшие густой травой и дикими цветами. Пейзаж словно сошел с полотен талантливого живописца. Вот только насладиться им могли немногие – жуткий, непролазный лес надежно скрывал красоты полей от посторонних взоров.

Ни единый солнечный луч не проникал сквозь сомкнутые намертво кроны. Деревья пониже, не обремененные листвой, растопыривали раскидистые тонкие ветви, которые вцеплялись в путников, вспарывали одежду и плоть и, густо переплетаясь, не давали проходу. Единственным ориентиром служили крохотные клочки неба, едва различимые сквозь кроны. Но только опытный проводник мог следовать по ним, не заплутав. Да и откуда взяться проторенной дороге, если мы забредали на запад лишь ради очередного Задания или горстки жалких, изнуренных рекрутов.

Долгие часы мы блуждали по лесу, пока на закате нам не улыбнулась удача. Из моей груди вырвался вздох облегчения, когда в темном тоннеле чащи забрезжил угасающий свет.

Мой народ обосновался не в самой плохой части континента. У нас был доступ к морю, плодородные земли и уединение, которое я предпочитал. Однако, пробираясь вдоль границ других стран, я невольно залюбовался их красотой. Залюбовался бескрайними полями, реками, с мелодичным

журчанием текущими по каменистым руслам к океану. В каждой попавшейся на пути деревушке ребятня встречала нас веселым смехом, приветливо махала вслед. На еще не освоенных, но уже разделенных территориях возводили изгороди – размежевать участки и отмежевать чужаков.

Мы скакали во весь опор, без усталости и без продыху. Олдрик угнал скот из северной части Халсгара, поэтому я предпочел сделать крюк, держась поближе к соседствующей с ней южной границе Кадаада. К вечеру мы достигли Монриа. Обозначенный на карте густой бор с тех пор изрядно поредел, но все же сохранил узнаваемые очертания.

– Монриа. – Сверившись с картой, я протянул ее Иниго.

– Э-э-э... я не умею читать, – вполголоса промямлил тот.

Я прикусил язык, чтобы второпях не сболтнуть лишнего и не обидеть товарища.

– Тебе и не нужно читать. Взгляни на местность. Вот бор, а вот озеро, которое мы проезжали.

Иниго окинул цепким взором карту, осмотрелся по сторонам, припомнил оставшийся позади ландшафт и, сличив детали, утвердительно кивнул:

– Думаю, ты прав.

– Согласен. – Я обернулся к отряду. – Заночуем под деревьями, а чуть свет снова тронемся в путь.

Подъехав мелкой рысью к ближайшему стволу, я спешился и привязал коня.

Иниго занялся палаткой.

– Скажу честно, твоя затея мне по душе. Если вернемся с победой, наше Задание войдет в историю.

Я почесал коня за ушами.

– При хорошем раскладе мы прославимся. А при плохом... лучше не представлять.

– Вот и не представляй. У нас отличная команда. Все получится. Главное – не высовываться, не лезть на рожон.

– Твоими бы устами... И вот еще. – Я отвел Иниго в сторонку и понизил голос. – Если меня убьют, постарайся выполнить Задание. Любой ценой. Хотя бы после моей смерти, но справедливость должна восторжествовать, а Дарейн – вернуться к законному владельцу. – Признание отозвалось почти физической болью. Жажда обладания соседствовала с горечью утраты, и осознавать ее было поистине мучительно. – Отряд тебя поддержит. Пожалуй, с большей охотой, чем меня.

Иниго сглотнул.

– Можешь на меня рассчитывать, – заверил он. – Только ничего с тобой не случится. Слишком ты башковитый.

Я поковырял носком сапога землю:

– Мой отец славился незаурядным умом, однако в Возино возвратился разрубленным на куски. Уверен, Каван не расстроится, если меня постигнет та же участь. Скорее наоборот. Но вы не должны опускать руки. Боритесь до конца за наше королевство.

Иниго коротко кивнул и принялся устраиваться на ночь.

Я вытряхнул из мешка палатку, расстелил. Вечер выдался прохладным, но не настолько, чтобы разводить огонь.

За спиной раздались шаги. Обернувшись, я увидел Блайз.

– Какие-то проблемы?

Она бросила взгляд по сторонам и, удостоверившись, что нас никто не слышит, спросила:

– Ты и правда убивал людей?

Вопрос был таким нелепым, что я с трудом удержался от смеха.

– Блайз, давно ты в Возино?

– Полтора года. Пришла вместе с переселенцами из Рошмара, когда на родине случился неурожай.

То было самое крупное пополнение в наших рядах. Путь из Рошмара не пролегал через чудовищный лес, однако не всем удалось без потерь преодолеть горы. Треть беженцев получила обморожение, а более десятка погибли в дороге.

– Тогда ответ тебе известен. Трое на этой неделе. Еще несколько дезертиров пару месяцев назад. Помнишь пиратов, которые умудрились обогнуть скалы и пытались напасть на нас с моря? Еле-еле потом отмыл меч от крови. Точную цифру не назову, давно сбился со счета, но самым безжалостным и кровавым воином слыву по праву.

Блайз смотрела на меня в упор:

– Тогда почему ты позволил Гриффину остаться? Почему пощадил его, если человеческая жизнь для тебя ничего не стоит?

Я выпрямился и устремил на Блайз пристальный взгляд:

– Речь не о сострадании. Людей и вправду избыток. Зато Каван сейчас рвет и мечет из-за моего неповиновения. В общем, сплошные плюсы.

Что-то промелькнуло в ее глазах.

– Однако из всех нас ты выбрал именно Гриффина. Пожалел двух влюбленных.

– Пусть будет по-твоему.

– Будет, не сомневайся, – хмыкнула Блайз, однако с места не сдвинулась. – Знаешь, даже в самые темные времена, даже в разгар войны двое способны обрести друг в друге свет.

Меня молнией пронзила догадка. Блайз ставила передо мной вопросы, на которые не хотелось искать ответы.

Страх ледяной рукой взял меня за горло.

– Смотрю, Задание совсем вскружило тебе голову. Предлагаю забыть этот разговор раз и навсегда.

Блайз с улыбкой отступила на шаг:

– Попробую, но обещать не могу.

Если меня отказываются признавать, пусть хотя бы боятся, думал я до сих пор. И глубоко заблуждался. Страх был не выбором из двух зол, а моим подсознательным стремлением. Признание делает тебя уязвимым, и одна только мысль об этом повергала меня в трепет.

– Блайз, оставь эту затею, – совладав с собой, выдавил я. – Ничего у тебя не выйдет.

Она покачала головой и зашагала прочь, безмятежно бро-

сив напоследок:

– Запомни, я никогда не проигрываю.

Анника

По ночам дворец совершенно преображался. В главных коридорах еще кое-где горели свечи, но основным источником света служила луна. Сквозь панорамное окно за кронами деревьев угадывались далекие созвездия.

Я на цыпочках прокралась в галерею, расположенную в самой отдаленной части замка. Именно туда отец распорядился перенести самый великолепный портрет из всех, когда-либо виденных мной.

Убедившись, что вокруг ни души, я села на пол перед

огромным изображением мамы. Ее лицо дышало красотой и умиротворением. Даже на холсте от нее веяло добротой. Наклон головы обещал простить все прегрешения. Улыбка согревала своим теплом.

Говорили, что я пошла в мать. Надеюсь, так и есть. Мне безумно хотелось походить на нее. Слыть искренней, отзывчивой и счастливой. Какой глубинный смысл таился в этих простых, незамысловатых эпитетах!

– Прости, что давно не заглядывала, – шепнула я. – Только не спрашивай почему. Ты не перенесешь правды.

На этот счет у меня не имелось ни малейших сомнений. События последних месяцев разбили бы маме сердце. Я думала, что выплакала все слезы, но рана еще не затянулась, и сейчас они ручьем хлынули по щекам.

Мама ведь не погибла? Она жива. Просто угодила в плен... или потеряла память. В книгах такое случается сплошь и рядом. Нельзя отчаиваться даже спустя три года. Настанет день, и мама вернется, прижмет меня к груди, как маленькую. Надо лишь надеяться и ждать.

Но иногда надежда ранит.

– Я обручилась. С Николасом. – Подаренное кольцо блеснуло в полумраке. Я ловила мамин умиротворенный взгляд, мечтая увидеть в нем хоть какой-то отклик. Одобряет она мое решение или, напротив, осуждает за покорность судьбе? – Эскал твердит о моем благородстве. Своим браком я обеспечу ему безмятежное царствование, исполню сестрин-

ский долг. Но стоит Николасу заговорить со мной, я чувствую фальшь. Дурные помыслы за чинным фасадом. – Я покачала головой. – Должна признаться... еще не поздно все переиграть. Ретт любит меня, – доверительно поведала я, тщетно ожидая от портрета хоть какой-то реакции. – И предлагает бежать с ним. Думаю, ты не стала бы возражать. Ведь именно ты вывела его в люди, разглядела в нем потенциал. Он готов пожертвовать для меня всем. Готов продать последнюю рубашку. И это не пустые слова. Вот только... я его не люблю. Вернее, люблю, но как друга, в чем честно призналась. Однако ему достаточно и такой любви, лишь бы мы были вместе. Мне это льстит, не скрою... Но не настолько, чтобы бросить все и бежать. Будь между нами настоящая любовь, я не колебалась бы ни секунды. Разве все подвиги совершаются не во имя настоящей любви? Так пишут во всех книгах. Даже если поначалу все идет наперекосяк, сердце не обманешь, мама. Не обманешь! Принц не отрекается от возлюбленной, она свято верит в него, а после, когда самое страшное уже позади, они создают нечто настолько прекрасное, что *кое-кто* вынужден запечатлеть это документально. У меня таких чувств нет. Ни к кому. И наверное, никогда не будет. Неприятно, конечно, но не смертельно.

Я вытерла слезы.

– Мне так тебя не хватает. Никто не заменит мне тебя и твоей любви.

Это осознание убивало. Окружающие любили меня по-

своему, однако их привязанность не шла ни в какое сравнение с материнской любовью.

– Решение принято, мама. Если мне суждено выйти за Николаса, в день нашей свадьбы я официально объявлю тебя мертвой. – Наши взгляды встретились. – Такое событие не останется незамеченным, весть о торжестве разойдется далеко за пределы королевства. Если ты жива, то обязательно появишься. Если нет, на наше генеалогическое древо нанесут траурную отметку. И это будет конец всему. Конец надеждам.

Я всхлипнула, проклиная себя за категоричность. Но если я хочу сохранить здравый рассудок, нужно поставить точку. Иногда бесконечные терзания хуже горькой правды.

– Разумеется, я не перестану тебя навещать. Не перестану беседовать с тобой, словно ничего не случилось. Обещаю ничего от тебя не скрывать, даже самое плохое... Но на сегодня хватит дурных вестей... Люблю тебя. Пожалуйста, вернись, – прошептала я и со вздохом потерла виски. – Пора укладываться. Завтра у нас конная прогулка. Отец хочет, чтобы мы с Николасом показали в пригороде. Надо пользоваться случаем, пока меня окончательно не заперли во дворце. – Я перевела дух. – Помоги мне, мама. Ты умела разрешить любой спор улыбкой... Как тебе это удавалось? Научи. Нас наверняка роднит нечто большее, нежели волосы и глаза. Надеюсь, я унаследовала твою доброту, твою внутреннюю силу. Просто они еще дремлют.

Я поднялась и послала портрету воздушный поцелуй.
– Люблю тебя. И никогда не забуду.

* * *

Передо мной простирался берег, усыпанный диковинным черным песком, какого не бывает в природе. Однако мои босые ноги утопали в нем, черные песчинки просачивались сквозь пальцы. Вдруг поднялся вихрь. Он разметал мне волосы, норовил задрать подол платья. Вокруг простиралась незнакомая, пустынная местность.

Однако страха не было.

Я поправила локоны; теперь они развевались за спиной, не обремененные ничем, свободные.

Свободные.

Я долго любовалась волнами, завороженно глядя на горизонт, где вода смыкается с небом. Внезапно звезды собрались в кучу и, устремившись ввысь, слились в ослепительную сферу, пылающую ярче солнца.

Я заслонила глаза ладонью, отвернулась. И вдруг увидела поодаль тень.

В очертаниях безошибочно угадывался мужской силуэт. Казалось, еще немного – и нагромождение звезд вытеснит его с песчаной полосы. Никакая тьма не устоит перед натиском такого света. Однако мужчина не шелохнулся. Единственная сила, способная обратить его в бегство, не имела

над ним никакой власти. Даже угроза смерти не могла вынудить его расстаться со мной.

Но кто скрывается за тенью? Я осторожно обошла ее со всех сторон, высматривая брешь на темной поверхности, осязаемые черты. Увы, тщетно! Силуэт не сдвинулся с места, даже когда я шагнула к нему вплотную.

– Кто ты?

Ответа не последовало. Передо мной была безмолвная пустота, однако эта пустота жаждала узнать мое имя, узнать, откуда я взялась и как очутилась на берегу.

– Я тоже никто, – шептали мои губы, а взгляд шарил по темному овалу лица.

Силуэт преисполнился сострадания.

Призрачными пальцами он коснулся моей щеки. На меня повеяло ледяным холодом, который сковывал тень изнутри. Напрасно я надеялась увидеть улыбку, ласковые глаза – хоть какой-то намек, что рядом со мной друг, а не враг.

Но видела лишь мертвенный холод.

Я села в кровати, судорожно хватая ртом воздух.

– Госпожа? – Ноэми бросила растапливать камин и поспешила ко мне.

– Все хорошо, – заверила я. – Обыкновенный кошмар. По крайней мере, очень похоже на кошмар.

– Принести вам попить?

– Спасибо, милая Ноэми. Ничего не нужно, – успокоила я и повернулась к окну.

Снаружи занимался рассвет, первые лучи озарили кроны.

Я откинулась на подушки, вытерла покрытый испариной лоб. Тело сотрясала крупная дрожь. Досадно, ведь теперь мне точно не сомкнуть глаз. Близился день наедине с Николасом – испытание страшнее любого кошмара.

Леннокс

Меня разбудили птичьи трели. Немыслимое дело! На побережье, где не водилось певчих птиц, я просыпался оттого, что на груди у меня топталась Колючка. Под несмолкаемый щебет я вытянулся во весь рост и гадал: поют ли птицы в Дарейне, не доводилось ли мне слышать их пение в далеком детстве?

О прежней жизни я помнил немного. Помнил наш скромный домик, мать, беременную младшим отпрыском, которому так и не довелось родиться. Помнил, как чертил

узоры в пыли. Помнил несравненный вкус домашнего хлеба.

Помнил, как собирался с духом, чтобы подойти к понравившейся девочке. Помнил, как она смутилась, услышав мой комплимент. Помнил, как подшучивал над отцом, запихивая ему камни в башмаки, а потом наблюдал за его тщетными попытками втиснуть в них ноги. Помнил упоительное чувство покоя, которое охватывало меня по вечерам и навевало сладкие сны. Помнил ощущение мира и гармонии.

Но совершенно не помнил птиц.

К мелодичным трелям вскоре добавились посторонние звуки. Иниго беседовал с Блайз, Шервин складывал палатку. Наличие единомышленников было как бальзам на душу. Позволив себе еще минутку насладиться щебетом, я оделся и занялся палаткой.

Я сосредоточенно трудился, не поднимая головы, и не сразу заметил, что Блайз уже нарядилась в платье. Чутье меня не подвело: зеленый цвет прекрасно сочетался с золотистыми волосами. Вопреки обыкновению, Блайз не заплела их в косу, а распустила по плечам и теперь косилась на меня сквозь струящиеся локоны. Смущенный столь пристальным вниманием, я отвернулся, закашлялся.

Шервин вручил мне сверток с одеждой:

– Это вам.

Поверх неизменной белой рубашки и черных штанов, в которых спал, на мне был черный камзол, правда расстегнутый. Оставалось лишь набросить на плечи черный плащ для

верховой езды. Рассматривая пеструю ткань, я вдруг осознал, насколько привык к черно-белой гамме. Яркое одеяние вызывало у меня чувство незащищенности, и я не мог заставить себя надеть это.

– Убери! – распорядился я. – Время терпит.

Шервин прищурился, вопросительно глянул на Иниго, и тот кивнул:

– Как прикажете, сэр.

Вот-вот нас захватит водоворот неподвластных мне событий. В таких обстоятельствах нужно до последнего цепляться за привычный порядок вещей, иначе недолго тронуться умом.

Андрэ уже оседлал коня. Рядом гарцевала Блайз. Покончив со сборами, я запрыгнул в седло и вытащил карту.

– Дай взглянуть, – поравнявшись со мной, попросил Иниго.

– Забирай. Боюсь, проку от нее мало. Если двинем на северо-запад, к полудню минуем Монриа и попадем в Киаленд. Но утверждать не берусь, четких ориентиров нет, только мои догадки.

Иниго внимательно изучил карту, то и дело сличая ее с окружающей местностью, и сокрушенно объявил:

– Ты прав, бесполезная бумажка. Меняем план?

– Нет. Держим курс прямо и не высовываемся. Вероятно, нам придется разделиться, чтобы не навлекать на себя подозрений. Как доберемся до места, осмотримся. Далее – по об-

становке.

Губы Иниго дрогнули в улыбке.

– Знаешь, меня буквально распирает от восторга, хотя до Дарейна еще далеко. Если осчастливим трофеем обитателей замка... тогда нас точно никто не переплюнет.

– Ключевое слово «если».

– Нам повезет, не сомневайся. Главное – не спешить, не лезть на рожон.

Кивнув, я покосился на отряд. Все уже собрались и ждали моей команды. Под деревьями не осталось никаких следов лагеря.

– Трогаем! – Я пришпорил коня.

Мы с Иниго ехали впереди, остальные трое за нами.

Часть пути проделали молча. Скакали быстро, но не во весь опор.

– Тут такое дело, – начал Иниго, удостоверившись, что нас никто не слышит. – Я должен извиниться перед тобой. В общем, извини.

Я искоса глянул на него и отвернулся. Этот разговор напрашивался давно, и вот теперь, когда час пробил, мной овладели сомнения.

– По моей милости ты чуть не лишился глаза. С тех пор я ломаю голову, как попросить у тебя прощения, но язык не поворачивается. Сам знаешь, извинения – не мой конек.

– Ты бы никогда не обошелся так со мной, если бы я не довел тебя до белого каления, – ухмыльнулся Иниго. – При-

знать, я и сам не помню, с чего вдруг решил преподать тебе урок. Каждый в замке мечтал устроить тебе взбучку. Честно говоря, не понимаю почему. На уровне инстинкта я чувствовал... что должен воротить от тебя нос, если не хочу, чтобы нос воротили от меня. – Он отрешенно устался вдаль. – По-хорошему, нам следовало держаться вместе. И мы держались. Какое-то время. Потом умер твой отец, ты сделался легкой мишенью, а я... – Иниго шумно сглотнул. – Все не унимался. И наверняка продолжил бы травить тебя, не соверши ты тот судьбоносный поступок, который отбил всякую охоту связываться с тобой.

– Маневр удался, верно? – вздохнул я.

В минуты досуга я размышлял о дне, когда пролил первую кровь. Шестнадцатилетний мальчишка втайне грезил о подвигах и власти, а наяву страдал от унижений Иниго. Когда мне выпал шанс изменить жизнь, я воспользовался им. Без всяких колебаний.

С тех пор меня отваживались задирать лишь немногие. Включая Иниго. После громкого противостояния на мечях, откуда я вышел победителем, а Иниго обзавелся шрамом, проблема разрешилась окончательно. Меня стали считать неприкосновенным.

– Урок я усвоил, хотя и дорогой ценой. А теперь применяю ту же тактику с новобранцами. Деру с них три шкуры, ибо трудности закаляют дух.

– Насчет трех шкур ты преувеличиваешь, – возразил Ини-

го. – Да и урока никакого не было. Я пытался не перевоспитать тебя, а сломить.

Я устремил взор к горизонту:

– У тебя почти получилось.

– Прости.

– И ты прости за то, что чуть не отправил тебя к праотцам.

Иниго возмущенно выставил ладонь:

– Не льсти себе. Обезобразил? Не спорю. Но чуть не загубил? Увольте. Кишка тонка.

У меня вырвалось подобие смеха.

– Не преувеличивай. Шрам тебя, наоборот, украшает. Завидую черной завистью.

Иниго расплылся в улыбке:

– Нашему подлецу все к лицу. Таким уж я уродился.

За спиной хихикнула Блайз. Я обернулся, но она поспешно отвела взгляд.

– Значит, инцидент исчерпан? Мир?

– Ничего не имею против, – отозвался Иниго.

– Вот и славно.

Иниго устремил пытливый взор на запад. Позади занимался рассвет. И снова у меня мелькнула надежда заполучить трофей уже сегодня.

– Не забудь наш вчерашний уговор, – добавил я вполголоса. – Если погибну, займешь мое место. И на Задании, и в замке. Лидерских качеств тебе не занимать.

– Это верно, – причмокнул Иниго. – Вот только пропадет

мой лидерский талант зазря, ведь ты всех нас переживешь.

Анника

При виде подошедшего Эскала я подавила зевок.

– Мы тебе наскучили, ваше высочество? – подмигнул он.

– Не выспалась. Снилась какая-то чертовщина. Наверное, на нервной почве.

– Немудрено. – Эскал тяжело вздохнул. – Если хочешь, поедем все вместе, вчетвером.

– Нет. Стыдно сказать, но мне не вынести угрюмого настроения отца и чопорности Николаса разом. И потом, у меня в планах попросить жениха об услуге. Надеюсь, он не от-

кажет.

– Пусть только попробует, – нахмурился Эскал и уже другим тоном обратился к пажу, принесшему меч: – Спасибо, юноша.

– Значит, свой меч ты берешь, а мне нельзя, – буркнула я.

– Не куксись. Обещаю, сегодня вечером мы потренируемся. А если будешь умницей, снимем с лезвия обмотку, покромсаешь кого-нибудь. Главное, не меня.

– Это вышло случайно! Столько разговоров из-за несчастной царапины!

– А моя загубленная рубашка? Даже Ноэми не смогла ее починить, хотя она у нас мастерица на все руки.

– Соболезную твоей рубашке, – съязвила я, однако Эскал оценил шутку.

Он вообще понимал меня с полуслова. Развернув коня, брат наклонился и поцеловал меня в лоб.

– Бедная рубашка давно в могиле, но спасибо за эпитафию для надгробия.

Я хихикнула.

Николас тем временем взгромоздился в седло и поспешил ко мне.

– Удачи! – пожелал Эскал и заторопился к отцу.

– Этот грум – сущее наказание, – посетовал Николас.

Грейсон, юный помощник конюха и поверенный наших тайных уроков, подбирал с земли щетку и попону. Вид у него был совершенно подавленный, чего отродясь не водилось за

этим жизнерадостным пареньком.

– Королевский грум не в состоянии подобающе оседлать лошадь! Пришлось все делать самому.

До сих пор наши конюхи не давали ни малейшего повода для нареканий. Однако Николас предъявлял к окружающим поистине заоблачные требования, какие не снились даже королю.

– Старший конюший устроит ему выволочку, – соврала я.

– Буду очень признателен, душечка. – (Я скривилась, однако Николас и бровью не повел.) – Прическа очень тебе к лицу, – похвалил он мои заколотые волосы.

Я машинально поправила шпильки. Даже отправляясь на конную прогулку, я никогда не убирала волосы. Мне нравилось, как они свободно струятся по плечам и развеваются на ветру. К счастью, уже вечером, стараниями Ноэми, они вновь обретут первоначальный вид.

– Носить такую прическу тяжеловато.

– Зато сейчас ты вылитая леди, – возразил Николас.

Не просто леди, а принцесса, о чем Николас постоянно забывал.

– Спасибо за комплимент. Да, у меня к тебе просьба. Видишь ли...

– Готовы? – спросил отец, поравнявшись с нами; в его глазах сквозила неприкрытая тревога. – Мы с Эскалом можем вас сопроводить.

– Эскал уже предлагал свои услуги, но я отказалась. Это

совершенно ни к чему. Мы доедем до пригорода, помашем крестьянам и вернемся. Соскучиться не успеете.

– Почему бы нам не прогуляться вместе? – настаивал отец.

– В этом нет необходимости.

– И все же...

– Отец, с нами едут телохранители. А Николас будет без меня как зеницу ока. Не сомневайтесь, я в надежных руках.

– Уверен, ты права.

Однако в его голосе не было уверенности. Напротив. Только сейчас я осознала, что впервые за три года, минувших с исчезновения мамы, мне позволили выехать за пределы замка.

– Отец, вы напрасно волнуетесь. Встретимся за ужином в честь славного будущего Кадира.

– Тогда до вечера. – Отец не сказал привычного «люблю тебя», слишком большая пропасть пролегла между нами. Даже произнеси он заветные слова, едва ли мне хватило бы сил ответить взаимностью.

Мы молча разъехались в разные стороны.

Совершенно раздавленная нашим прощанием, я молчала почти всю дорогу. В гробовой тишине мы скакали по окрестностям. Завидев королевский штандарт, который держал один из гвардейцев, ребяташки бежали к дороге, чтобы вручить мне цветы, а я вплетала их в волосы, пока моя голова не стала походить на цветущую клумбу. Молва о нашей

помолвке быстро разлетелась по округе, и подданные Кадирра щедро осыпали нас пожеланиями счастья. Время шло, а я все откладывала разговор с Николасом. Хотя чувствовала: надо, но перебороть себя не могла.

Занятая собственными мыслями, я не заметила, как мы добрались до деревянного моста через неглубокий овраг, отмечавшего границу с Киаландом. Гвардейцы, разумеется, знали, что меня годами не выпускали из замка, а из страны – тем паче. Незнакомый со здешними местами, Николас и не догадывался, как далеко мы заехали. Пришпорив коня, я поравнялась с командующим королевской гвардией. Тот отбросил церемонии и заговорщически подмигнул. Я улыбнулась, окрыленная свободой.

– Ты хотела о чем-то поговорить, – напомнил Николас. – Последняя наша беседа вылилась в помолвку. Чем удивишь на сей раз, душечка? – Он рассмеялся собственной шутке.

О боги, он ведь не намерен до конца дней звать меня душечкой?!

– Да, хотела. Как ты смотришь на то, чтобы после свадьбы мы уехали из дворца и пожили отдельно? – Николас вытаращил глаза, и я поспешно добавила: – Хотя бы на первых порах.

– Скажи на милость, зачем тебе жить в другом месте? Великолепный замок. Прекрасная территория. У тебя чудесный дом!

– Не пойми меня превратно. Я очень люблю свой дом,

вот только... Николас, мы знакомы с малых лет, но, по сути, остались чужими. Если хотим создать по-настоящему счастливую, образцовую семью, пример для всего Кадира, мы должны узнать друг друга поближе. Задача совершенно невыполнимая во дворце, где мы как на ладони.

Впрочем, я кривила душой. Мне хотелось составить мнение о будущем супруге вдали от бдительных взоров придворных и светского этикета. Хотелось понять, что он за человек.

Николас натянул поводья и теперь гарцевал вокруг меня. – Мы будем самой счастливой парой на свете! – клятвенно заверил он. – Ты наверняка считаешь меня излишне... требовательным, но, поверь, это ради твоего же блага. Рано или поздно ты признаешь мою правоту и оценишь меня по достоинству. Я буду холить тебя и лелеять, обещаю!

Мне стоило огромных трудов не фыркнуть.

– Очень любезно с твоей стороны. Однако ты не ответил на мое предложение. Пожалуй, год вдали от замка – это чересчур. Но несколько месяцев меня вполне устроят.

– Несколько месяцев? – изумленно переспросил Николас. – Анника, за столь короткий срок человека не узнать. Так зачем впустую тратить время и лишать себя не только комфортной жизни, но и удовольствия от общения с твоим отцом и братом? Едва ли они одобряют твое решение. Вообрази, как велика будет для них горечь разлуки с тобой.

– Но ведь мы разлучаемся не навечно!

– Анника, должен сказать, мне... – Николас осекся и уста-

вился мне за спину.

Обернувшись, я увидела у границы леса пятерых всадников самой обыкновенной наружности. Настораживало лишь то, как бесшумно они появились. Четверо мужчин и блондинка в линялом платье, казалось, ехали наугад... Однако меня поразило другое.

Молодой человек во главе отряда уставился на меня и мертвенно побледнел. Что-то пугающе знакомое было в его чертах, отчего кровь стыла в жилах. Всадник не мигая смотрел на меня, как на привидение.

Тряхнув головой, он скомандовал спутникам:

– Новый план. Хватайте их. Девчонка моя.

В мгновение ока Николас рванул прочь. Я поспешила за ним. Гвардейцы обнажили мечи и поскакали рядом, защищая меня. Николас вырвался далеко вперед и нещадно стегал коня; вся его поза свидетельствовала о стремлении поскорее убраться отсюда.

Почему, почему я не наплевала на правила приличия и не взяла с собой меч?! Почему не позволила отцу сопровождать нас?! Почему позволила застать себя врасплох?! Я мчалась сквозь густой лес, лавировала среди деревьев в надежде оторваться от преследователя, который буквально дышал мне в спину. Но оборачиваться нельзя, иначе он увидит мой страх.

Один из всадников стремительно нагонял Николаса, маячившего впереди. Едва расстояние между ними сократилось, наездник приподнялся в седле и ударил Николаса рукоятью

меча. Тот обмяк и повалился на коня.

– Нет! – С истошным криком я во весь опор поскакала к нему.

Когда я добралась до Николаса, нападавший уже умчался прочь, преследуемый одним из гвардейцев. Я спрыгнула на землю и побежала к жениху.

Это было глупо. Преследователь не замедлил воспользоваться моей оплошностью и настиг меня в ту же секунду.

Он неторопливо спешил к мне и двинулся ко мне, отрезая путь к отступлению. Однако попытаться стоило. Я выхватила из ножен Николаса меч и приготовилась защищаться.

Леннокс

Меня потрясло, как быстро она приняла боевую стойку: ноги широко расставлены, меч занесен для удара. Единственная поза контрастировала с ее внешним обликом: вплетенные в волосы цветы, нарядное платье, кроткий, так хорошо знакомый мне взор... Впрочем, надо отдать ей должное, она хотя бы умела держать меч.

Комичность ситуации портил ледяной взгляд. Подавив желание расхохотаться, я обнажил меч и сделал приглашающий жест. Не мешкая она устремила ко мне, размахивая

клинком так, словно намеревалась отрубить мне руку. Я отразил удар и, крутанувшись на месте, добродушно глянул на противницу.

Однако на ее лице не было и тени добродушия. Только неукротимая ярость. Без всяких колебаний она вновь бросилась в атаку, крепко сжимая меч двумя руками. Сражалась она самозабвенно, но не бездумно; в движениях чувствовалась какая-никакая сноровка и опыт. Воительница поправила сползающий корсет и, наступив себе на подол, досадливо поморщилась. Юбки сковывали ей шаг, но даже в таком наряде она двигалась быстро и проворно – достойный противник.

Я вяло оборонялся, не предпринимая ни малейших попыток атаковать. Пусть она утомится, выбьется из сил, и можно брать ее тепленькой. Вокруг звенела сталь. Краем глаза я заметил, как Иниго пустился в погоню за гвардейцем. Численный недостаток мы компенсировали эффектом неожиданности и мастерством. Тем временем она без устали рубила воздух направо и налево. Всякий раз, когда ее силы были на исходе, она собиралась с духом и вновь обрушивала на меня град ударов. Снова и снова. Словно праведный гнев, копившийся у нее внутри, вдруг вырвался на волю.

Такая неутомимость и отвага внушали уважение.

Сообразив, что с флангов меня не одолеть, она переменяла тактику и теперь разила напрямик. Потрясающее упорство! Она явно не собиралась сдаваться, а, напротив, входила

ла в раж. Перекинув меч в одну руку, она описала им широкую дугу, примеряясь, и, стиснув рукоять, нанесла короткий удар. Только отличная реакция спасла меня от неминуемой смерти.

В камзоле зияла прореха. Ситуация становилась опасной. Пожалуй, одной обороны теперь недостаточно.

Мой меч рассек воздух. Она на секунду растерялась, однако парировала достойно. Впрочем, длилось это недолго. Под моим натиском ее силы стремительно убывали. Не давая ей опомниться, я неумолимо наступал, целясь не в нее, а в меч, старался выбить его из рук или напугать ее своим напором. В разгар схватки девчонка поскользнулась и упала на одно колено.

Осознав свое поражение, она взглянула на меня с таким разочарованием, и этот знакомый взгляд в до ужаса знакомых глазах вынудил меня замереть. Я помнил эти глаза. Долгие годы они преследовали меня в кошмарах.

Воспользовавшись моей заминкой, она вскочила, занесла меч и рубанула им сверху вниз. Острие рассекло мне кожу на груди. Взревев от боли, я, как ребенок, обиженный на несправедливую затрещину, выбросил руку вперед; клинок угодил в ее предплечье. Она вскрикнула и, зажав кровоточащую рану, рухнула на колени.

Смертоносная сталь очутилась в паре дюймов от ее шеи.
– Бросай оружие!

Судя по выражению лица, она всерьез подумывала отве-

тить отказом. Однако, оглядевшись по сторонам, поняла, что упорствовать бессмысленно.

Она выронила меч, и я убрал свой.

– Поднимись! – скомандовал я.

Она с отвращением повиновалась. Посрамленные враги всегда трепетали передо мной или дрожали от страха. В ней я ожидал встретить спокойное достоинство.

А наткнулся на плохо скрываемую ненависть.

Радуюсь своей предусмотрительности, я выудил из-за пояса веревку и связал пленнице запястья. Путы держали крепко.

Разобравшись с девчонкой, я обернулся с намерением заняться ее телохранителями. Однако моя помощь не понадобилась. Одного из гвардейцев Шервин пригвоздил своей массой к земле. Второго стерег Иниго. Андрэ с Блайз волокли третьего.

– Все здесь? – спросил я.

– Да, – доложил Андрэ. – Четвертый гвардеец мертв.

У пленницы вырвался скорбный стон.

– А как быть с ним? – осведомился Иниго, кивнув на потерявшего сознание господина в седле. – Забираем?

– Нет. Ты обратил внимание, он бросил ее на произвол судьбы и бежал так, что пятки сверкали? – ухмыльнулся я, глядя на пленницу в упор. – Какой от него прок?

Печаль в ее глазах почему-то задела меня за живое. Нашарив в заплечном мешке бинт, я наспех перевязал ей рану.

Еще заляпает кровью всю округу.

– Спасибо, – пробормотала она.

Вот сейчас в ее тоне звучало спокойное достоинство.

Иниго шагнул ко мне и понизил голос.

– Ну и зачем ты это затеял? – прошипел он, скрипя зубами от злости.

– Они из Дарейна.

– Откуда знаешь?

– Оттуда! – отрезал я. – Трое королевских гвардейцев.

Представь, как они запоют, если развязать им языки.

Поразмыслив, Иниго ткнул пальцем в девчонку:

– А она?

– На ее счет у меня большие планы.

Если она и испугалась, то виду не подала. Мои подручные усадили связанных, пристыженных телохранителей на коней.

Я подставил пленнице руку для опоры и скомандовал:

– Забирайся!

Проигнорировав мою помощь, она схватилась за седло.

– Ваше высочество... – окликнул кто-то из гвардейцев, и сердце у меня оборвалось; всего два слова подтвердили мои худшие страхи. – Простите.

Пленница оттолкнула мою руку и повернулась к гвардейцам, которые вдруг принялись судорожно жевать. В мгновение ока все трое повалились навзничь, изо рта полезла пена. Минуту спустя они были мертвы.

– Нет! – прошептала девушка. – Только не это! Не из-за меня.

Я стиснул ее здоровую руку:

– Тебя тоже снабдили чудодейственным ядом? Если да, отдай по-хорошему.

По ее щеке скатилась скупая слезинка. Пленница мрачно покачала головой, не сводя глаз с распростертых на земле гвардейцев.

– Я велю тебя обыскать.

Она и бровью не повела:

– Вперед. Что найдешь – твое.

– Ну и что теперь? – нахмурился Иниго.

Мой рассудок лихорадочно заработал. Мы не достигли Дарейна, зато ухитрились захватить в плен их принцессу. Отсюда напрашивались два вывода. Во-первых, вторгнуться в страну не так уж сложно, хотя нас многие годы уверяли в обратном. А во-вторых, мне достало отваги пройти по стопам отца и вернуться целым и невредимым. Наконец, принцесса – просто кладезь ценной информации, и она выложит нам все подчистую. Если это не вселит в людей надежду, тогда я умываю руки.

– Она тоже сгодится, – откликнулся я с уверенностью, которой в действительности не ощущал. – Если хотим попасть в Возино засветло, нечего рассусоливать. По коням.

Я посадил принцессу на свою лошадь, сам устроился сзади и, натянув поводья, со вздохом направился в сторону до-

ma.

Анника

После долгого странствования мы наконец добрались до ветхого, полуразрушенного замка.

Судя по траектории солнца, похититель вез меня на восток. В какой-то момент мы вроде бы повернули на север, но наверняка сказать трудно. На всякий случай я постаралась запомнить, куда падает тень замка. Вдруг понадобится.

Похититель спешил и помог мне слезть. Его галантность действовала на нервы сильнее, чем грубость. На фоне своих соратников он держал голову выше, а спину – прямее.

Все выдавало в нем лидера.

Только сейчас я заметила, что мы почти ровесники, однако нахмуренный лоб добавлял ему лет и суровости. Смоляные волосы контрастировали с пронзительно-голубыми, вернее, васильковыми глазами. Прямые, безукоризненно вылепленные черты портил нос с горбинкой – очевидно, следствие давнего перелома. Напустив на себя свирепый вид, похититель поволок меня в замок. В мрачном коридоре нас нагнала блондинка, единственная девушка в шайке.

– Хочешь, я о ней позабочусь? – предложила она.

– Нет, она моя! – отрезал мой конвоир.

– Леннокс, тебе нужно обработать рану, – упорствовала блондинка, не отставая от нас ни на шаг.

– Ничего с ней не сделается. Отвяжись!

– Ты полдня провел в дороге, мог занести инфекцию. Лучше...

Он обернулся и, не помня себя от злости, машинально стиснул мое предплечье:

– Разрази тебя гром, Блайз! Довольно!

Секунду они смотрели друг на друга в упор.

– Леннокс, зря ты так, – вступился за подельницу разбойник со шрамом.

– Иниго, давай без нравоучений.

– Леннокс?

Мы все обернулись. Позади нас, держась за руки, стояли парень с девушкой.

– Рами, – обратился парень к своей спутнице, – ступай к себе. Я скоро.

Рами нехотя повиновалась, окинув меня напоследок оценивающим взглядом.

– Не ожидал, что вы так быстро обернетесь, – шепнул парень.

– Планы поменялись. Как думаешь, сколько мы выручим за принцессу?

Безымянный участник шайки с игривым недоверием уставился на меня.

– Не могу пропустить такое зрелище! – воскликнул он и примкнул к остальным.

Едва очутившись в седле, я скрупулезно собирала сведения. Изучала местность, запоминала каждый поворот по дороге к ветхому замку. А сейчас анализировала роли в шайке. Мне предстоял выбор: нарушить планы похитителя, испортив ему триумф, или беспрекословно подчиниться до поры до времени. Подорвать его авторитет нетрудно, но это лишь восстановит его против меня и сведет шансы на побег к нулю.

Пожалуй, лучшей тактикой будет замкнуться в гордом молчании.

Меня втолкнули в помещение, похожее на главный зал в родном замке. Под сводами царил полумрак, источником света, вместо окон, служили многочисленные факелы. Столы со скамьями рассыпались от старости. С нашим появле-

нием люди перестали жевать и вытянули шеи. Лишь мгновение спустя я осознала, что их взоры прикованы не ко мне, а к похитителю.

Пресловутому Ленноксу.

Он потащил меня по центральному проходу туда, где в массивном кресле, служившем, по всей видимости, тронном, восседал мужчина, который в сидячем положении, как мне показалось, выглядел таким же широким, как и высоким. Красивая женщина средних лет так и льнула к нему совершенно непотребным по моим меркам образом.

Леннокс опустил перед парой на колени и обратился к мужчине:

– Каван, я возвратился с Задания. Надеюсь, ты не откажешься принять мое подношение. – Он выпрямился, не намеренный оставаться в раболепной позе дольше положенного.

Пара за столом уставилась на меня.

– Кто это? – с перекошенным от ужаса лицом спросил Каван.

– Дьяволово отродье, наследница его престола.

Женщина вдруг мертвенно побледнела:

– Она же точная копия...

– Знаю! – отрезал Леннокс. – Многие годы мы мечтали отвоевать Дарейн, и вот теперь у нас появился ключ, отпирающий любые двери в замке.

Дарейн. Мой похититель уже упоминал это слово. Может,

он спутал меня с кем-то другим?

– Ты... ты проник в Дарейн? – потрясенно спросил мужчина.

– Да. Причем без всяких хлопот. Расправился с гвардейцами, похитил принцессу. Вообрази, с какой легкостью мы завладеем всем королевством, если добудем больше сведений. – В голосе Леннокса звучал упрек. – Ты желаешь получить ответы?

Каван кивнул, по-прежнему не сводя с меня глаз.

– Тогда не будем терять время. – Леннокс грубо – гораздо грубее, чем при сообщниках, – поволок меня к выходу, и не успела я опомниться, как мы снова очутились в темном коридоре. – Отведи ее вниз, надень нормальные наручники и постереги до моего возвращения! – приказал Леннокс блондинке. Блайз?

– Да, сэр, – мрачно откликнулась она и толкнула меня в спину. – Шагай!

Ее хватка оказалась на удивление крепче, чем у Леннокса. Она буквально волоком потащила меня вниз по лестнице, а едва мы завернули за угол, шарахнула об стену с такой силой, что перехватило дыхание и зазвенело в ушах.

– Не рыпайся! – процедила Блайз, снимая с крюка кандалы.

– Ему не стоило повышать на тебя голос, – тихо заметила я.

– Закрой рот!

Блайз защелкнула на моих запястьях массивные браслеты и только потом развязала путы. Да, в сноровке ей не откажешь. Как, впрочем, и всем обитателям захолустного замка.

Схватив за раненое предплечье, Блайз со вздохом втолкнула меня в камеру. У стены виднелось подобие койки, окном служил круглый проем, забранный решеткой.

– А где?.. Мне надо... – Она кивнула на жестяное ведро в углу, и я закатила глаза. – Прелестно.

– Брезгуете, ваше высочество?

Выбирать не приходилось. С трудом подобрав скованными руками подол, я присела над ведром и отвернулась. Если выберусь отсюда, то даже на смертном одре не признаюсь в этом конфузе.

– Хотя бы скажи, где мы? – взмолилась я. – Мне еще не доводилось бывать так далеко на востоке. Я и не знала, что эти земли обитаемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.